

Джордж Кеннан

**Кочевая жизнь
в Сибири**

**Приключения среди коряков и других племён
на Камчатке и в Северной Азии**

12+

Джордж Кеннан

Кочевая жизнь в Сибири

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48580560

SelfPub; 2020

Аннотация

Америка 1860-х. Молодому человеку из глубинки, двадцати лет от роду, предоставился волшебный шанс – испытать приключения, о которых он только читал. Через три года он напишет книгу, в которой есть всё это: штормовое море и снежные горы, грохочущие вулканы и бескрайняя тундра, путешествия на лошадях, оленях и собачьих упряжках, русские казаки и камчадалы, дымные яранги чукчей и коряков, полярные сияния и арктические миражи, страшные морозы и свирепые метели, и опасности, опасности и опасности... И ещё в этой книге есть юмор и самоирония, и несгибаемая воля к победе.

Содержание

Предисловие к изданию 1910 года	4
Предисловие	6
Глава I	9
Глава II	20
Глава III	34
Глава IV	42
Глава V	52
Глава VI	60
Глава VII	68
Глава VIII	80
Глава IX	92
Глава X	101
Глава XI	113
Глава XII	126
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Предисловие к изданию 1910 года

Эта книга о жизни и приключениях в Сибири впервые была представлена публике в 1870 году – всего сорок лет назад. С тех пор она печаталась несколько раз и всегда находила читателей, а рукопись посылалась в редакции столько раз, что она почти истерлась. Этот постоянный и продолжительный спрос, по-видимому, указывает на то, что она имеет какой-то особый интерес, и побуждает меня надеяться, что пересмотренное, иллюстрированное и значительно расширенное издание её встретит благоприятный приём.

«Кочевая жизнь в Сибири» впервые вышла в печать, когда меня не было в России. Заключительные её главы я написал в Петербурге, а оттуда в начале 1870 года разослал издателям. Мне так не терпелось поскорее отправиться в горы Кавказа, что я сократил свой рассказ насколько возможно, и опустил многое из того, что мне следовало бы добавить, если бы у меня было достаточно времени, чтобы привести это в порядок. Настоящее издание содержит более пятнадцати тысяч слов нового содержания, в том числе о том, как мы чудом избежали гибели и о сиянии моря, а также впервые описывает события и приключения зимнего путешествия по суше от Охотского моря до Волги – поездки на санях длиной более пяти тысяч миль.

Иллюстрации настоящего издания, которые, я надеюсь,

значительно увеличат интерес к нему, частично взяты из картин Джорджа А. Фроста, который был со мной в обеих моих сибирских экспедициях, и частично из фотографий, сделанных господами Йохельсоном² и Богоразом³, русскими политическими ссыльными, которые проводили научные исследования для Северо-Тихоокеанской экспедиции Джесупа на азиатской стороне Берингова пролива.

Я сердечно благодарю «The Century Company» за разрешение использовать части двух статей, первоначально написанных для «St. Nicholas Magazine», миссис А. Д. Фрост из Сев. Кембриджа, штат Массачусетс, за фотографии картин её покойного мужа, и Американский музей Естественной истории за право воспроизвести сибирские фотографии господ Йохельсона и Богораза.

Джордж Кеннан. Бьюфорт, Южн. Каролина. 16 февраля 1910 года.

---

² Владимир Ильич Иохельсон (1855, Вильно–1937, Нью-Йорк) – российский этнограф, основоположник юкагириведения, один из ведущих исследователей Севера, политический деятель и революционер.

³ Владимир Германович Богораз (1865–1936) – российский революционер, писатель, этнограф (этногеограф, этнокультуролог) и лингвист (исследователь чукотско-камчатских языков, языка азиатских эскимосов, эвенского языка), северовед.

Предисловие

Попытка Western Union Telegraph Company в 1865-67 годах построить сухопутную телеграфную линию в Европу через Аляску, Берингов пролив и Сибирь была в некотором отношении самым замечательным мероприятием девятнадцатого века. Смелый в своей концепции и важный в целях, к которым он стремился, проект привлек в то время внимание всего цивилизованного мира и считался величайшим телеграфным предприятием, которое когда-либо привлекало американский капитал. Однако, как и все неудачные предприятия в тот век прогресса, он был быстро забыт, а блестящий успех Трансатлантического кабеля полностью вытеснил его из общественного сознания. Большинство читателей знакомы с основными фактами в истории этого предприятия, от его организации до окончательного от него отказа, но лишь немногие, в основном только его первоначальные проектанты, знают что-либо о работе, проделанной в Британской Колумбии, Аляске и Сибири, препятствия, которые были встречены и преодолены при его изыскании и рабочими отрядами и вклад, который он внес в наши знания о неисследованном и до сих пор малопосещаемом регионе. В течение двух лет его сотрудники исследовали почти шесть тысяч миль дикой природы, простирающейся от острова Ванкувер на американском побережье до Берингова пролива и

от Берингова пролива до китайской границы в Азии. Следы их покинутых лагерей можно найти в самых отдаленных камчатских горах, на обширных пустынных равнинах Северо-Восточной Сибири и в дремучих лесах Аляски и Британской Колумбии. Верхом на северных оленях они прошли самыми трудными тропами северных азиатских гор, проплыли на лодках по великим северным рекам, ночевали в дымных чумах сибирских чукчей, разбивали свои лагерь на пустынных северных равнинах при температуре $45-50^{\circ}\text{C}$ ¹ ниже нуля. Телеграфные столбы, которые они поставили, и дома, которые они построили, и теперь одиноко стоят там – единственные результаты их трехлетнего труда и страданий и единственные памятники неудачного предприятия.

Я не ставлю своей целью написать здесь историю русско-американского телеграфа. Успех его конкурента, Атлантического кабеля, полностью затмил его значение, и эта неудача лишила его всякого интереса со стороны американского читателя. Хотя его история и не важна, исследования и изыскания, которые планировались и проводились под его эгидой, имеют свою ценность и интерес, независимо от того, для чего они были предприняты. Территория, которую они охватили, малоизвестна читающему миру, а её кочевые жители редко встречались с цивилизованным человеком. Только редкие предприимчивые торговцы мехами и охотники

---

¹ Здесь и далее температура указана в градусах Цельсия, для удобства читателей. **Во всех сносках, кроме оговоренных – примечания переводчика.**

проникли в их уединённую жизнь, и маловероятно, что цивилизованные люди когда-либо пойдут по их стопам. Их земля не даёт обычному путешественнику никаких стимулов, соразмерных риску и трудностям, с которыми связаны её исследование.

Два сотрудника Российско-Американской телеграфной компании, господина Ф. Уимпер и У. Далл, уже опубликовали отчеты о своих поездках по Британской Колумбии и Аляске. Полагая, что история исследований Компании на другой стороне Берингова пролива будет иметь равный интерес, я написал следующее повествование о своей двухлетней жизни в Северо-Восточной Сибири. Оно не претендует ни на полноту научной информации, ни на какие-либо экстраординарные исследования любого рода. Оно предназначено просто для того, чтобы передать как можно более ясное и точное представление о жителях, природе, обычаях и общих особенностях новой и сравнительно неизвестной страны. По сути, это личный рассказ о жизни в Сибири и на Камчатке, и его претензия на внимание заключается скорее в свежести предмета, чем в какой-либо особой преданности науке или практическому опыту.

Глава I

Сухопутная телеграфная линия в России – Отплытие первой сибирской партии исследователей из Сан-Франциско.

Русско-американская телеграфная компания, также известная как «Western Union Extension», была организована в Нью-Йорке летом 1864 года. Идея телеграфной линии из Америки в Европы через Берингов пролив существовала в умах нескольких известных телеграфистов в течение многих лет и была предложен Перри МакДоу Коллинзом еще в 1857 году, когда он совершил свое путешествие по Азии⁴. Однако это никогда серьезно не рассматривалось до тех пор, пока после провала первого атлантического кабеля не началось всестороннее обсуждение целесообразности наземной линии между двумя континентами. План г-на Коллинза, который был представлен в Western Union Telegraph Company в Нью-Йорке ещё в 1863 году, казался наиболее осуществимым из всех проектов, которые были предложены для межконтинентальной связи. План предполагал объединить телеграфные системы Америки и России по линии, проходящей через канадскую Британскую Колумбию, Русскую Америку и северо-восточную Сибирь, до русских телеграфных линий

---

⁴ См. П.М.Коллинз "Путешествие вниз по Амуру", изд. D. Appleton and Company, Нью-Йорк, 1860.

в устье реки Амур на азиатском побережье, формируя, таким образом, непрерывную проводную сеть почти по всему земному шару.

Этот план обладал многими очевидными преимуществами. Не требовалось длинных кабелей. Он предусматривал линию, которая будет проходить повсюду по суше, за исключением небольшого участка в Беринговом проливе, и которую можно будет легко ремонтировать в случае аварии или повреждений от непогоды. Он также предусматривал ответвления вдоль азиатского побережья до Пекина, что помогло бы развить бизнес с Китаем. Все эти соображения были привлекательны для капиталистов и специалистов телеграфа, и план был окончательно принят компанией Western Union Telegraph в 1863 году. Разумеется, учитывалось, что следующий атлантический кабель может оказаться успешным и это будет очень разрушительным, если не смертельным, для перспектив предлагаемой сухопутной линии. Такое событие, однако, не казалось вероятным, и, учитывая все обстоятельства, компания решила взять на себя этот неизбежный риск.

Был заключен договор с российским правительством, предусматривающий продолжение российской линии через Сибирь до устья Амура и предоставление компании некоторых особых привилегий на российской территории. Подобные уступки были получены в 1864 году от правительства Великобритании⁵, помощь была также обещана Кон-

---

⁵ Так как трасса линии проходила по территории Канады, которая была в то

грессом США, и вскоре была создана компания Western Union Extension с номинальным капиталом в 10 миллионов долларов. Её акции были быстро раскуплены, главным образом акционерами первоначальной компании Western Union, а вера в конечный успех предприятия была такова, что менее чем за два месяца его акции продавались по семьдесят пять долларов за штуку.

В августе 1864 года полковник Чарльз С. Балкли, бывший начальник военной телеграфной службы в Военном округе Мексиканского залива, был назначен главным инженером предполагаемой линии, а в декабре он отправился из Нью-Йорка в Сан-Франциско, чтобы организовать и оснастить исследовательские партии и начать работы.

Руководствуясь желанием быть причастным к такому новому и важному предприятию, а также по природной любви к путешествиям и приключениям, которую я никогда прежде не мог удовлетворить, я предложил свои услуги в качестве исследователя уже в самом начале проекта. Моя заявка была положительно рассмотрена, и 13 декабря я с главным инженером отправился из Нью-Йорка в планируемую штаб-квартиру компании в Сан-Франциско. Полковник Балкли сразу же после своего прибытия открыл офис на Монтгомери-стрит и начал организовывать исследовательские группы для предварительного изучения маршрута линии. Как только в городе стало известно, что планируется исследовать

неизвестные области Британской Колумбии, Русской Америки и Сибири, офис компании переполнился нетерпеливыми претендентами на все возможные должности в предприятии.

Авантюристы-оптимисты, которые долго ждали, когда появится нечто подобное, разорившиеся золотоискатели, которые надеялись вернуть свои состояния на новых месторождениях золота, которые ещё предстоит обнаружить на севере, вернувшиеся с войны солдаты, жаждущих новых острых ощущений – все спешили предложить свои услуги первопроходцев в этом великой деле. Спросом пользовались опытные и квалифицированные инженеры, но была также масса предложения от обычных людей, которые с энтузиазмом восполняли то, в чём им не хватало опыта.

Месяц за месяцем проходили в отборе, организации и оснащении партий, пока, наконец, в июне 1865 года суда компании не были готовы к отплытию.

План действий на то время заключался в том, чтобы высадить одну группу в Британской Колумбии, недалеко от устья реки Фрейзер, одну в Русской Америке, в Нортон Саунд, и одну на азиатской стороне Берингова пролива, в устье реки Анадырь. Этим партиям под руководством соответственно господ Поупа, Кенникота и Макрэя было велено подняться, насколько возможно, вверх по рекам вглубь суши, получить всю возможную информацию о климате, почве, лесах и жителях этих регионов, и, в общем, найти маршрут для пред-

полагаемой линии.

Две американские партии будут иметь сравнительно удобные базы в Виктории и форте Св. Михаила, но сибирская партия должна быть высажена возле Берингова пролива, на краю бесплодной, пустынной области, почти в тысяче миль от любого известного поселения. Таким образом, безопасность и успех этой партии, с опорой только на её собственные ресурсы, в неизвестной стране и среди кочевых племен враждебных аборигенов без каких-либо своих средств передвижения, кроме лодок, не были гарантированы. Многие даже утверждали, что оставлять людей в такой ситуации и при таких обстоятельствах – это значит отправлять их почти на верную гибель, а русский консул в Сан-Франциско написал письмо полковнику Балкли, в котором настоятельно рекомендовал ему не высаживать партию на азиатском побережье в северной части Тихого океана, а вместо этого отправить её в один из российских портов Охотского моря, где она могла бы создать базу снабжения, получить информацию относительно внутренних районов страны и приобрести лошадей или собачьи упряжки для сухопутных исследований в любом желаемом направлении.

Мудрость и здравый смысл этого совета были очевидны для всех, но, к сожалению, у главного инженера не было судна, которое он мог бы отправить с отрядом в Охотское море, и если люди вообще должны были высадиться тем летом на побережье Азии, они должны были высадиться у Берингова

пролива.

Однако в конце июня полковник Балкли узнал, что небольшое российское торговое судно «Ольга» собирается плыть из Сан-Франциско на Камчатку и юго-западное побережье Охотского моря, и ему удалось уговорить владельца взять четырёх человек в качестве пассажиров до российского поселения Николаевск в устье реки Амур. Этот, хотя и не столь желательный пункт для начала работ, как некоторые другие на северном побережье моря, всё же был намного лучше, чем любой, который можно было бы выбрать на азиатском побережье северной части Тихого океана, так что вскоре была организована партия для плавания на «Ольге» до Камчатки и в устье Амура. Эта партия состояла из майора С. Абазы⁶, русского джентльмена, который был назначен начальником партии, и руководителем всей экспедиции в Сибири, Джеймса А. Мэйстиса, опытного инженера-строителя из Калифорнии, Р. Дж. Буша, который только что вернулся с трёхлетней службы в Каролине, и меня – не очень грозная сила количественно и не очень замечательная с точки зрения опыта, но сильная в надежде, уверенности в своих силах и энтузиазме.

28 июня нас уведомили, что у брига «Ольга» почти весь груз на борту, и он будет «немедленно отправляться».

Эта морская метафора, как мы потом узнали, означала

---

⁶ Сергей Савич Абаза (род. 2.02.1833 г.) – титулярный советник, Секретарь двора Е.И.Выс. Вел. Кн. Елены Павловны.

только то, что он отплывет в какое-то время в течение лета, но мы, в нашей доверчивой неопытности, предполагали, что бриг должен тут же отвалить от причала, и это повергло нас в волнение и беспорядок поспешной подготовки к отплытию. Фрак, льняные рубашки и выходные туфли были опрометчиво оставлены или отданы, одеяла, походные ботинки и фланелевые рубашки закупались в немереных количествах, винтовки, револьверы и охотничьи ножи огромных размеров придали нашей комнате вид беспорядочного арсенала, склянки с мышьяком, бутылки с алкоголем, сачки для ловли бабочек, мешки для змей, коробки с таблетками и дюжина других инструментов и научных приборов, о которых мы ничего не знали, были переданы нам нашими энтузиастами-натуралистами и упакованы в большие коробки, «Путешествия» Врангеля, «Ботаника» Грея и несколько других научных работ были добавлены в нашу небольшую библиотеку, и до наступления ночи мы могли сообщить о своей готовности – вооружённые и экипированные для любого приключения – от поимки нового вида клопов до завоевания Камчатки!

Поскольку никто ещё не выходил в море, не осмотрев корабль, мы с Бушем назначили себя в приёмную комиссию от нашей партии и направились к пристани, где стояло судно. Капитан, грубоватый американизированный немец, встретил нас у трапа и провел через весь свой маленький бриг от носа до кормы. Наш ограниченный опыт в морском деле не

позволил бы нам вынести свое суждение о мореходности даже речной баржи, но Буш, с характерной для него наглостью и всезнайством, поучительно рассказал капитану о красоте «линий» (что бы это ни было) его судна, его великолепную парусность и о его конструкции в целом, – обсудил сравнительные достоинства простых и сдвоенных марселей, и новые запатентованные топенанты и риф-тали, и в целом продемонстрировал такое количество морских знаний, что оно не только полностью сокрушило меня, но и поразило даже капитана.

Я сильно подозревал, что Буш приобрел большую часть своих морских знаний из беглого прочтения «Навигатора» Боудича, который я видел лежащим на его столе, и тоже решил в частном порядке приобрести карманное издание «Морских рассказов» капитана Марриата, как только удастся сойти на берег, и в следующий раз сокрушить его своими запасами морской эрудиции. У меня было смутное воспоминание о том, что я читал что-то в романах Купера о флагштоках и кранбалках... а может, о флагбалках и кранштоках?.. Я не мог вспомнить, что именно, и, решив не позволять игнорировать меня как никчемную сухопутную крысу, взглянул на снасти и поделился несколькими очень общими замечаниями о юферсах и бизань-гике. Однако капитан быстро уничтожил меня, категорически спросив, видел ли я когда-нибудь бизань-гик с застопоренной фор-марса-реей на курсе бейдевинд?!

Я смиренно ответил, что, по моему непосредственному наблюдению, такого кошмара я бы и представить себе не мог, и когда он повернулся к Бушу с улыбкой соболезнования по поводу моего невежества, я стиснул зубы и спустился вниз, чтобы осмотреть кладовую. Здесь я почувствовал себя как дома. Длинные ряды консервированных продуктов, говяжьего бульона, сгущенного молока, пирогов и небольшого бочонка с причудливой надписью «Zante cur.»⁷ вскоре успокоили мой взволнованный дух и убедили меня, что, без всякого сомнения, «Ольга» была надёжна, построена в передовом стиле кораблестроения и всецело годна для плавания.

Поэтому я подошел к Бушу, чтобы сказать, что тщательно и критически осмотрел судно изнутри и уверен в его несомненной способности выполнить возложенную на него задачу. Я не упомянул природу наблюдений, на которых основывался этот вывод, но он не стал задавать лишних вопросов, и мы вернулись в офис с благоприятным отчетом о качестве постройки, вместимости и оснащении нашего корабля.

В субботу, 1 июля, «Ольга» приняла на борт последний груз и была готова к отплытию.

Прощальные письма поспешно написаны, последние приготовления сделаны, и в девять часов утра в понедельник мы собрались на пристани Говард-стрит, где стоял паровой буксир, который должен был отбуксировать нас в море.

Толпа друзей собралась, чтобы попрощаться с нами.

---

⁷ Zante currant – мелкий коринфский изюм, «коринка».

Пирс, пестревший яркими платьями и синей униформой, имел довольно праздничный вид в тёплых лучах калифорнийского утра.

Полковник Балкли передал нам последние наставления с пожеланиями здоровья и успехов, ироничные приглашения «приехать повидаться» были переданы нашим менее удачливым товарищам, остающимся на берегу, прозвучали просьбы прислать кусочек Северного полюса и образцы северного сияния вперемешку с советами по препарированию птиц и сбору жуков, и среди общей путаницы поздравлений, добрых пожеланий, предостережений, подтруниваний и слезных прощаний прозвучал пароходный колокол. Долл, живущий исключительно интересами своей любимой науки, порывисто схватил меня за руку: «До свидания, Джордж. Благослови тебя Бог! Не спускай глаз с наземных улиток и черепов диких животных!»

Мисс Б. попросила с мольбой в голосе: «Берегите моего дорогого брата!». Я пообещал заботиться о нём, как о своём собственном, и подумал о другой далекой сестре, которая, если бы она могла присутствовать здесь, сказала бы точно так же: «Берегите моего дорогого брата!». Размахивая платками и бесконечно повторяя слова прощания, мы медленно отошли от пристани и, проплыли к тому месту, где дрейфовала «Ольга», где нас перевели на маленький бриг, который в течение следующих двух месяцев должен быть нашим домом.

Пароходик отбуксировал нас за пределы бухты и отдал концы, а когда проплывал обратно, наши друзья с полковником во главе собрались тесной группкой на носу буксира и троекратно приветствовали «первую сибирскую исследовательскую партию». Мы ответили ещё тремя – нашим последним прощанием с цивилизацией – и молча всматривались в уменьшающийся пароходик, пока белый носовой платок, который Арнольд привязал к бакштагу, стал неразличим, и мы остались одни на длинных волнах Тихого океана.

Глава II

Плавание по Тихому океану – Семь недель на российском бриге.

«Он получил огромное удовольствие и наслаждение от своего путешествия, кто не испытал этого, должен обязательно попробовать пережить подобное»

Р. Бёртон «Анатомия меланхолии»

В море 700 миль на С.-З. от Сан-Франциско. Среда, 12 июля 1865 г.

Десять дней назад, накануне нашего отплытия к азиатскому побережью, полный больших надежд и радостных ожиданий будущих удовольствий, я честно написал в моём дневнике вышеприведённую цитату из Бёртона, ни разу не усомнившись в полной реализации тех «будущих радостей», которые мои восторженные глаза видели в такой «яркой неопределённости», и ни на миг не сомневаясь, что «жизнь на океанской волне» не есть состояние высочайшего счастья, достижимое в этом мире. Цитата показалась мне чрезвычайно удачной, и я мысленно благословил старого анатома меланхолии за то, что он вооружил меня девизом, таким простым и подходящим на все случаи жизни. Конечно, «он по-

лучил огромное удовольствие и наслаждение от своего путешествия», и совершенно необоснованное предположение о том, что, поскольку «он» это сделал, то и все остальные обязательно должны, не показалось мне абсурдным.

Напротив, мне казалось это совершенно логичным, и я бы с презрением отнесся к любому предположению о возможном недоверии. Мои представления о морской жизни были получены главным образом из пылких поэтических описаний морских закатов, «летних островов Эдема, лежащих в темно-фиолетовых сферах моря», и тех «лунных ночей в одиноких водах», которыми поэты веками обманывают невежественных земляков на предмет океанских путешествий. Туманы, штормы и морская болезнь совсем не входили в мои представления о морских явлениях, или, если бы я допустил возможность шторма, это было только живописное, очень поэтичное проявление сил ветра и воды в действии, без каких-либо неприятных особенностей, которые присутствуют в этих элементах в более прозаических обстоятельствах. Правда, во время моего путешествия в Калифорнию были небольшие неприятности с погодой, но память моя давно превратила её в нечто грандиозное и поэтическое, так что я даже с нетерпением ждал шторма как опыта не только приятного, но и весьма необходимого.

Иллюзия сия была очень приятной, пока она ещё продолжалась, но – всё когда-нибудь кончается. Десять дней настоящей морской жизни разрушили мою «светлую неуверен-

ность будущих радостей» и породили стойкую уверенность в будущих страданиях, оставив меня оплакивать несовместимость поэзии и правды. Бёртон – хвостун, Теннисон – мошенник, Байрон и Проктер – их пособники, а я – жертва. Я никогда больше не буду связывать свою веру с поэтами. Они могут сказать правду вполне достаточную для поэзии, но их взгляды безнадежно извращены, а их воображение слишком изощрено, чтобы действительно реалистично описать морскую жизнь. «Лондонский пакетбот» Байрона – блестящее исключение, и я не помню другого из всего спектра поэтической литературы.

Наша жизнь с тех пор, как мы покинули порт, была, безусловно, непоэтичной.

В течение почти недели мы страдаем от всех неопишуемых невзгод морской болезни, без каких-либо смягчающих обстоятельств. День за днём мы лежим на узких койках, слишком больны, чтобы читать, слишком несчастны, чтобы разговаривать, наблюдаем за лампой в каюте, как она раскачивается на своих хорошо смазанных подвесах, слушаем журчание и плеск воды за иллюминаторами, скрипы и стуки снастей и как тяжёлый гик переваливается из стороны в сторону от бортовой качки судна.

Мы всегда считали себя активными сторонниками теплианской⁸ философии – веселья при любых обстоятельствах, но, к сожалению, не смогли примирить наш опыт с нашими

---

⁸ Иоганн фон Тепль (1350–1414) – один из ранних немецких гуманистов.

принципами. В четырёх неподвижных фигурах у стен каюты не было ни малейшего намёка на веселье. Морская болезнь победила философию! Мрачные размышления о нашем прошлом и будущем было единственным нашим занятием. Я помню, как с любопытством размышлял о том, что и Ной когда-то страдал морской болезнью, Интересно, мог бы его ковчег сравниться с нашим судном, и были ли у него такие же неприятные повадки, как у нашего брига при сильном волнении?

Если были – тут я почти улыбнулся своей мысли – какой же несчастье это должно было быть для бедных животных!

Я также задался вопросом, был ли Одиссей с рождения неподвластен морской болезни, или должен был пройти тот же неприятный процесс, через который прошли мы?

В конце концов, я пришел к выводу, что морская болезнь, как и другие, должна быть дьявольским изобретением современности, и что древние так или иначе обходились без неё. Затем, пристально глядя на пятна от мух на окрашенных досках в десяти дюймах от моего носа, я вспомнил все те чудесные ожидания, с которыми я отплыл из Сан-Франциско, и со стоном отвращения отвернулся к стене.

Интересно, кто-нибудь когда-нибудь описал свои морские болезни на бумаге? Есть всякие «Вечерние откровения», «Откровения холостяка» и «Приморские откровения», но никто и никогда, насколько я знаю, даже не пытался сделать так, чтобы его морская болезнь вознаградилась литератур-

ным успехом. По-моему, это странная оплошность, я бы со всей серьёзностью подсказал любому начинающему писателю, обладающему способностью мечтать, обратить внимание на обширное необработанное поле этой темы. Одна поездка по северной части Тихого океана на небольшом бриге обеспечила бы ему неиссякаемый запас материала.

Наша жизнь на бриге протекала однообразно, без каких бы то ни было заметных событий. Погода была холодной, сырой и туманной, с лёгким встречным ветром и сильным зыбью, мы заключены с нашей кормовой каюте семь на девять футов, её тесная, душная атмосфера, насыщенная трюмной водой, ламповым маслом и табачным дымом, оказывала самое угнетающее воздействие на наш дух. Однако я рад видеть, что вся наша партия сегодня в сборе, что чувствуется слабый интерес к перспективе обеда, но даже воодушевляющие звуки марша Фауста, который капитан играет на старом хриплом аккордеоне, не могут вызвать оживление на мрачных лицах вокруг стола. Махуд делает вид, что с ним всё в порядке и играет в шашки с капитаном с притворным спокойствием, близким к героизму, хотя время от времени внезапно удаляется на палубу и возвращается каждый раз с всё более бледным и печальным лицом. Когда его спрашивают о цели этих периодических визитов на палубу, он, с выражением наигранной бодрости, отвечает, что поднимался только «посмотреть на компас и ход судна». Я удивился, что простой взгляд на компас может вызвать такие болезненные и

меланхолические эмоции, как на лице Махуда, когда он возвращается, но он не перестал исполнять свой добровольный долг, чем избавил нас от излишнего беспокойства за безопасность нашего корабля. Капитан кажется немного беспечным и иногда не следит за компасом целыми днями, но Махуд наблюдает за ним с неусыпной бдительностью.

Бриг «Ольга», 800 миль на северо-запад от Сан-Франциско. Воскресенье, 16 июля 1865 года.

Монотонность нашей жизни была прервана накануне вечером, а наша морская болезнь усугубилась сильным ветром с северо-запада, который вынудил нас дрейфовать в течение двадцати часов под одним зарифленным парусом. Шторм начался ближе к вечеру, и к девяти часам ветер уже дул в полную силу, а на море поднялось волнение. Волны стучали, как гигантские кувалды, по содрогающейся обшивке судна, порывы ветра ревели в снастях, а непрерывный «тук-тук-тук» насосов и протяжный вой ветра наполнял нас мрачными предчувствиями и лишал малейшей возможности заснуть.

Утро наступило угрюмо и неохотно, его первый серый свет, пробившийся сквозь слой воды на маленьких прямоугольных окошках на палубе, осветил забавную сцену хаоса и беспорядка. Корабль тяжело переваливался с борта на борт, а сундук Махуда, каким-то образом сорвавшийся со

своего места, скользил взад-вперед по полу каюты. Большая пенковая трубка Буша в компании с огромной мочалкой нашли временное пристанище в моей лучшей шляпе, коробка сигар майора каталась из угла в угол в тесных объятиях грязной рубашки. По ковру во все стороны мотались книги, бумаги, сигары, щётки, грязные воротнички, чулки, пустые винные бутылки, тапочки, пальто и старые ботинки, а большой ящик телеграфных принадлежностей угрожал вот-вот вырваться из креплений и разрушить всё, что ещё осталось целым. Майор, который первым подал какие-то признаки жизни, приподнялся на локте в постели, пристально посмотрел на скользящие и катающиеся предметы, задумчиво покачал головой, сказал: «Это удивительно! У-ди-ви-тельно!», как будто в кочующих сапогах и сигарных коробках он обнаружил какие-то новые, загадочные явления, которые нельзя было объяснить ни одним из известных законов физики. Внезапный крен, в который судно позволило себе удовольствие наклониться в этот самый момент, придал дополнительную остроту этому монологу, и с ещё большим убеждениям, без сомнений в изначальной и врожденной порочности материи в целом и особенно в Тихом океане, майор откинул голову назад на подушку...

Не требовалось и ничтожной степени решительности, чтобы сдаться в таких бесперспективных обстоятельствах, но Буш после двух или трёх стонов и одного зевка попытался-таки встать и одеться. Быстро спустившись с кроватки,

ти в момент, когда корабль поворачивался к ветру, он схватил свои ботинки одной рукой и брюки другой, и начал скакать по каюте, с удивительным проворством уклоняясь от носящегося по полу сундука, перепрыгивая через катающиеся бутылки и делая тщетные усилия вставить обе ноги сразу в один и тот же ботинок. Настигнутый посреди этой трудной задачи неожиданным креном, он стремительно атаковал наш безобидный умывальник, наступил на блуждающую бутылку, упал и, в конце концов, учинил полный разгром в одном из углов каюты. Трясаясь от смеха, майор мог только выдать из себя: «Я говорю вам – такая уди-ви-тель-ная качка!». «Да-да! – свирепо отвечал ему Буш, потирая одно колено. – Я тоже так думал! А вот встаньте-ка и сами попробуйте!» Но майор был полностью удовлетворён тем, что это попробовал Буш, и лишь засмеялся. Последнему, наконец, удалось одеться, и после некоторых колебаний я решил последовать его примеру. Упав пару раз на сундук, оказываясь то на коленях, то на локтях и совершив ещё несколько столь же невероятных подвигов, я, напялив наизнанку жилет и перепутав сапоги, вскарабкался по трапу на палубу. Ветер всё ещё был штормовой, паруса были убраны, кроме одного сильно зарифленного грот-марселя. Огромные горы голубой воды, громоздящиеся среди низко висящих дождевых облаков, устремлялись на нас белыми пенными гребнями, пролетали над верхней палубой и разлетались мелкими брызгами над баком и камбузом, накрывая корабль так, что звенел

колокол на квартердеке, а подветренный фальшборт зачерпывал воду. Это не совсем соответствовало моим прежним представлениям о шторме, но мне пришлось убедить себя, что всё это было реальностью. Ветер завывал, как церковный хор, море выглядело так, как положено выглядеть штормовому морю, а судно кренилось и качалось так, что могло удовлетворить самого пристрастного критика. Однако ощущение величественности, которое я ожидал, почти полностью отсутствовало в смысле личного дискомфорта. Человек, которого только что швырнуло на световые люки внезапным креном корабля и промокший насквозь от брызг, не в состоянии думать о возвышенном, а после полного курса такого лечения любые романтические представления, которые он, возможно, ранее имел в отношении красоты и величия океана, в значительной степени будут утрачены. Плохая погода сводит на нет работу поэзии и настроения. «Влажное покрывало» и «безбрежный океан» поэта имеют значение, совершенно противоположное поэтическому, когда человек обнаруживает «влажное покрывало» в своей постели и «безбрежный океан» на полу каюты, а наш опыт подсказывает, что никакая это не величественность, а неприятность и дискомфорт от морской непогоды.

Бриг «Ольга», в море, 27 июля 1865 г.

Живя в Сан-Франциско, я часто размышлял, откуда бе-

ругутся холодные туманы, которые по вечерам приходят с горы Лон-Маунтин и через пролив Золотые ворота? Я нашёл откуда! В течение последних двух недель мы постоянно плыли в плотном, влажном, сером облаке тумана, временами настолько густого, что он почти скрывал верхние брам-стенга-реи, и настолько всепроникающего, что просачивался в нашу запертую кормовую каютку, выпадая каплями на нашей одежде. Я полагаю, он поднимается от тёплых вод великого Северо-Тихоокеанского течения, через который мы сейчас проходим, и пары которого сгущаются в туман от холодных северо-западных ветров из Сибири. Это самая неприятная особенность нашего путешествия.

Наша жизнь в конце концов превратилась в тихую однообразную рутину: еда, курение, наблюдение за барометром и сон по двенадцать часов в сутки. Буря, которую мы пережили две недели назад, давала приятные ощущения возбуждения и отличную тему для разговора, но мы все согласились с майором, что это было «удивительно», и с нетерпением стали ждать появления чего-нибудь другого. Но один холодный, дождливый, туманный день сменяет другим, с небольшими изменениями направления ветра или осадков. Как протекает это время, конечно, целиком зависит от нас. Вот в половину восьмого утра нас будит второй помощник капитана, забавный флегматичный голландец, который всегда зовёт нас выйти посмотреть на кита, которого он регулярно вызывает в своём воображении перед завтраком, и который неизмен-

но исчезает, прежде чем мы оказываемся на палубе, так же таинственно, как и Моби Дик. Однако через некоторое время его воображению не удастся нарисовать кита, и он прибегает к столь же таинственному и эксцентричному морскому змею, чей фантастический вид он описывает на комическом ломаном английском с тщетной надеждой, что мы выйдем в туман на сырую палубу, чтобы посмотреть на него. Мы, впрочем, никогда этого не делаем. Буш открывает глаза, зевает и сонно смотрит на стол для завтрака, который находится в каюте капитана. Я не могу видеть этого со своего места, поэтому смотрю на Буша. Вскоре мы слышим шаги горбатого стюарда по палубе над нашими головами, и с полдюжины вареной картошек скатываются по трапу в нашу каюту. Они предшественники завтрака. Буш смотрит на стол, и пока стюард носит еду, я всё пристальней наблюдаю за Бушем и по выражению его лица сужу, стоит ли вставать или нет. Если он стонет и отворачивается к стене, то это значит, что на завтрак всего лишь рагу с овощами, и я повторяю его стон и следую его примеру, но если он улыбается и встаёт, я делаю то же самое, с полной гарантией свежих отбивных из баранины или курицы с рисом и карри. После завтрака майор курит сигарету и задумчиво смотрит на барометр, капитан достает свой старый аккордеон и выдавливает из него Российский национальный гимн, а мы с Бушем поднимаемся на палубу, чтобы вдохнуть несколько глотков чистого свежего тумана и подразнить второго помощника его морским

змеем. Заканчивается день чтением, игрой в шашки, фехтованием и, если позволяет погода, лазанием по снастям. Так прошли уже двадцать дней и должны пройти ещё двадцать, прежде чем мы сможем надеяться увидеть землю.

В море, у Алеутских островов. 6 августа 1865 г.

«Я бы променял сейчас все моря и океаны на один акр бесплодной земли – самой негодной пустоши, заросшей вереском или дроком.»⁹, только не эта наводящая тоску водная пустыня! Пусть Камчатка будет такой, какой будет, мы будем приветствовать её с такой же радостью, с какой Колумб впервые увидел цветущий берег Сан-Сальвадора. Я смиренно готов взглянуть хотя бы на песчаный островок с пучком травинок, и даже не стал бы настаивать на траве, если бы был уверен хотя бы в кусочке суши. Мы провели в море уже тридцать четыре дня, ни разу не увидев ни другого паруса, ни клочка земли.

Нашим главным развлечением в последнее время было обсуждение противоречивых моментов истории и науки – это удивительно, как подобные дебаты развивают способность к юридической аргументации! Единственный недостаток заключается в том, что в отсутствие третьей стороны, которая может решить кто прав, такие споры никогда не приводят к какому-либо удовлетворительному выводу. В течение

---

⁹ Цитата из пьесы У.Шекспира «Буря». Перевод Мих. Донского

шестнадцать дней мы обсуждали, как кит использует свои дыхательные отверстия, и я твердо убеждён, что, если бы мы путешествовали ещё целую вечность, как «Летучий голландец», то и тогда не смогли бы найти такое решение этой проблемы, которое удовлетворило бы всех спорящих. У капитана оказалась старая голландская «История мира» в двадцати шести томах, к которой он обращается как к последнему авторитету во всех вопросах, касающихся жизни на Земле – будь то любовь, наука, война, искусство, политика или религия, и как только он оказывается в окружении спорящих, он укрывается за этими громоздкими фолиантами и ведёт оттуда огонь всеми калибрами голландских многосложных словес до тех пор, пока мы не согласимся на безоговорочную капитуляцию. А если мы решаемся усомниться в интимной связи между дыхалами китов и «Историей мира», он обрушивается на нас с самыми жестокими обвинениями, что мы сумасшедшие скептики, которые не верят тому, что напечатано, и даже тому, что напечатано в самой Голландской Истории! Однако, когда капитан раздавал за обедом пирог, я посчитал целесообразным не высказывать своих убеждений относительно правдивости некоего тевтонского историка и присоединился к нему в осуждении этого падшего еретика Буша, который мудр только, как сказано в Библии, «за пределами того, что написано». Как результат, Буш получал только один маленький кусочек пирога, а я – два, что, конечно, очень приятно для меня лично, но также полезно и для

распространения качественных исторических знаний! К тому же я начал замечать за ужином растущее почтение к голландской истории со стороны Буша.

Глава III

Видим берег Камчатки – Прибытие в Петропавловск.

Бриг «Ольга» в море, 200 миль от Камчатки. 17 августа 1865 г.

Наше путешествие, наконец, подходит к концу, и после семи долгих недель холода, дождей и непогоды наши глаза скоро снова будут радоваться видом земли, и никогда это не было более желанным для утомлённого моряка, чем для нас. Даже звуки скребков и швабр с палубы говорят нам, что земля близко. Корабль прихорашивается, чтобы снова «выйти в свет». Прошлой ночью мы были всего в 255 милях от камчатского морского порта Петропавловск, и если благоприятный ветер будет дуть по-прежнему, мы доберемся до него завтра в полдень. Однако сегодня утром наступил почти абсолютный штиль, так что мы, скорее всего, задержимся до субботы.

В море у берега Камчатки. Пятница, 18 августа 1865 г.

Сегодня утром у нас хороший ветерок, и бриг, поставив все свои паруса, которые только имел, крадётся по морю, окутанным густым туманом, через который даже топовые па-

руса еле видны. Если ветер сохранится и туман рассеется, мы можем надеяться увидеть землю сегодня вечером.

11 часов утра.

Я только что спустился с брам-реи, где последние три часа, кое-как держась за бакштаг и качаясь над туманом, следил за землей, пока судно лениво катилось по морю. Впрочем, и оттуда не видно ничего на расстоянии трех длин кораблей, хотя небо, несомненно, безоблачное. Огромные стаи чаек, олуш и тупиков окружают корабль, а вода полна медуз.

Полдень.

Полчаса назад туман начал подниматься, и в 11.40 капитан, осматривая горизонт в подзорную трубу, радостно закричал: «Земля, земля! Ура!», и слова эти тут же эхом повторились и с носа и с кормы, и с камбуза и с верхушек матч. Буш, Махуд и майор побежали на полубак, маленький горбатый стюард весь в муке выскочил из камбуза и взобрался на фальшборт, моряки взобрались на такелаж, и только рулевой остался на месте. Далеко впереди, слабыми мерцающими контурами над горизонтом, виднелись два высоких конических пика, настолько далеких, что не было видно ничего, кроме белого снега в их глубоких расселинах, и настолько неясных, что их едва можно было отличить от голубого

неба. Это были горы Вилючинская и Авача на Камчатском побережье, в ста милях от нас. Майор долго и внимательно смотрел на них в подзорную трубу, затем гордо помахал им рукой, повернулся к нам и сказал с патриотическим энтузиазмом: «Вы видите перед собой мою страну – великую Российскую империю!», но затем, когда туман снова окутал корабль, оставил свой напыщенный стиль и с досадой воскликнул: «Чёрт знает что такое! Просто удивительно! Туман, туман и туман!»

Через пять минут от «великой Российской империи» не осталось и следа, а мы спустились на ужин в состоянии радостного возбуждения, которое никогда не представит себе тот, кто не был сорок шесть дней в море в северной части Тихого океана.

4 часа вечера

Нас только что осчастливил другой вид земли. Полчаса назад с брам-реи, куда меня назначили, я увидел, что туман начал рассеиваться, он поднимался, как огромный серый занавес, открывая море и синее небо и являя картину удивительной красоты, освещённую розовым светом заходящего солнца. Перед нами, простираясь на сто пятьдесят миль к северу и югу, лежала грандиозная Камчатка, возвышаясь огромными фиолетовыми мысами из сверкающего синего моря, в пятнах белых облаков и клочьях тумана, под-

нимающихся к грандиозным белоснежным вершинам. Два действующих вулкана высотой 10 000 и 16 000 футов возвышались над зубчатыми хребтами гор пониже, их острые белые пирамиды пронзали голубое небо, а подножьями тонули в лиловых тенях вечера. В прозрачном воздухе высокий обрывистый берег на расстоянии пятнадцати миль был, казалось, не более, чем красивым миражом, поднявшимся из моря. Менее чем через пять минут серая завеса тумана снова медленно опустилась на эту великолепную картину, она постепенно исчезла, оставляя нас почти в сомнении, было ли это реальностью или только ярким обманчивым видением. Теперь мы снова, как почти весь день до этого, окутаны густым липким туманом.

Порт Петропавловск, Камчатка. 19 августа 1865 г.

Прошедшей ночью мы были, как мы предполагали, примерно в пятнадцати милях от мыса Поворотного, и, поскольку туман снова стал плотнее, чем когда-либо, капитан не осмелился приблизиться к берегу. Корабль был повернут на другой галс, и мы потихоньку лавировали всю ночь, ожидая восхода и ясной атмосферы, чтобы безопасно приблизиться к побережью. В пять часов я уже был на палубе. Туман был холоднее и плотнее, чем обычно, из него накатывались волны в белых барашках, поднятые свежим юго-восточным ветром. Около шести часов начало светать, и бриг направился к

земле под фоком, кливером и марселями. Капитан с подзорной трубой в руке нетерпеливо вышагивал по палубе, то и дело поглядывая то на берег, то на море, в надежде увидеть, есть ли какая-нибудь перспектива лучшей погоды. Несколько раз он собирался развернуть корабль, опасаясь плыть к подветренному берегу в таком непроницаемом тумане, но в конце концов рассвело, туман исчез, а линия горизонта стала чёткой и ясной. К нашему великому изумлению, ни в одном направлении не было видно никакой земли! Длинная полоса голубых гор, которые прошлой ночью, казалось, находились в часе пути – высокие вершины, глубокие ущелья и крутые утёсы – всё растворилось в воздухе, не оставив и следа! Не было ничего, что даже отдалённо указывало бы на существование земли, кроме числа и разнообразия птиц, которые с любопытством кружили вокруг нас и взлетали из-под носа корабля. Высказывались всякие догадки, которые объясняли внезапное исчезновение берегов. Капитан предположил, что сильное течение унесло нас ночью на юго-восток. Буш заподозрил помощника в том, что он спал во время своей вахты и не заметил, как корабль переплыл через землю, в то время как помощник торжественно заявил, что вообще не верит, что там была какая-то земля, а это был всего лишь мираж. Майор сказал, что всё это «погано» и «удивительно», но не предлагал никакого решения. Такие вот были дела...

У нас был хороший попутный ветер с юго-востока, и теперь мы шли со скоростью семь узлов. Восемь часов утра...

девять... десять... и до сих пор не видно земли, хотя с рассвета мы прошли более тридцати миль. В одиннадцать часов, однако, горизонт несколько потемнел, и внезапно крутой берег, появился из редкого тумана на расстоянии всего четырех миль. Всех охватило волнение. Брамсея были убраны, чтобы уменьшить скорость, и бриг взял курс вдоль побережья. Горные вершины, по которым мы могли бы определить свое положение, были скрыты облаками и туманом, так что непросто было понять, где именно мы находимся.

Слева от нас, смутно обозначенные в тумане, находились еще два или три высоких голубых мыса, но какие именно, и где мог быть залив Петропавловска, никто не мог сказать. Капитан принес свои карты, компас и инструменты на палубу, положил их на световое окно каюты и начал определять направления на разные мысы, пока мы усердно осматривали берег в подзорную трубу и фантазировали по поводу нашего местоположения. К счастью, у капитана была хорошая русская карта, и вскоре он определил нашу позицию и огласил названия мысов. Мы были к северу от мыса Поворотного, примерно в девяти милях к югу от входа в Авачинскую бухту. Реи были поставлены поперёк корабля, и мы взяли новый курс под свежим юго-восточным ветром. Менее чем через час мы увидели три отдельно стоящие скалы, известные как «Три брата», миновали скалистый обрывистый остров, окруженный тучами визжащих чаек и кайр, и к двум часам были у входа в Авачинскую бухту, в которой расположен поселок

Петропавловск. Пейзаж, который мы там увидели, более чем соответствовал нашим самым высоким ожиданиям.

Зелёные травянистые долины тянулись от ущелий в скалистом берегу вверх, пока не терялись в далёких горах, прибрежные холмы были покрыты рощами жёлтых берёз и зарослями тёмно-зелёных кустарников, на защищённых от ветра склонах холмов можно было увидеть пятна цветов, а когда мы приблизились к маяку, Буш радостно закричал: «Ура, есть клевер!» «Клевер? – воскликнул капитан с ухмылкой. – В Артике нет клевера!» «Откуда вы знаете? Вы никогда там не были! – язвительно ответил Буш. – Это похоже на клевер, – и, глядя через подзорную трубу, – это действительно клевер!». И лицо его засияло, как будто открытие клевера освободило его от опасений по поводу суровости камчатского климата. Это был своего рода растительный показатель температуры, и из одного пучка клевера воображение Буша развилось, на зависть Дарвину, всё богатство флоры умеренного пояса.

Само название Камчатка всегда ассоциировалось у нас со всем самым бесплодным и негостеприимным, и мы ни на минуту не задумывались, что такая страна может позволить себе красивые пейзажи и пышную растительность. На самом деле, для всех нас было загадкой, могло ли что-то ещё, кроме мхов, лишайников и, возможно, какой-нибудь травки, вести неравную борьбу за существование в этом студёном климате. Можно представить, с каким восторгом и удивлением мы

смотрели на зелёные холмы, покрытые деревьями и кустами, на долины, белые от клевера, на рощи берёз с серебристыми стволами, на скалы, украшенные дикими розами, которые укоренились в их расселинах, как будто природа стремилась скрыть под покровом цветов свидетельства своих прошлых потрясений.

Незадолго до трех часов пополудни мы увидели село Петропавловск – небольшое скопление бревенчатых домов с бурыми, крытыми корой крышами, православная церковь своеобразной архитектуры с зелёным куполом, полоса песчаного берега, полуразрушенный причал, две китобойные лодки и остов разбитого судна. Высокие зелёные холмы полукругом обступали деревню и почти замыкали вход в тихую, похожую на пруд Авачинскую бухту. Под фоком и гротом мы тихо прошли под тенью окружающих холмов в эту закрытую со всех сторон гавань, в сотне ярдов от ближайшего дома паруса были убраны, корабль содрогнулся, цепь загрохотала и наш якорь вонзился в почву Азии.

Глава IV

Русские на Камчатке – Земля растений и цветов – Деревня двух святых.

Вашингтон Ирвинг очень правильно заметил, что для тех, кто собирается посетить зарубежные страны, долгое морское путешествие является лучшей подготовкой. Вот его слова: «Временное отсутствие мирских сцен и занятий создает состояние души, специально приспособленное для получения новых и ярких впечатлений». Он мог бы ещё справедливо добавить – и полезных впечатлений. Утомительное однообразие морской жизни предрасполагает путешественника благосклонно относиться ко всему, что оживит его застоявшиеся ум и воображение и даст новый материал для размышлений, а самые обычные пейзажи и обстоятельства доставят восторг и удовольствие. По этой причине человек, приехав после долгого путешествия в чужую страну, поначалу склонен формировать более благоприятное мнение о её людях и природе, чем в последующем.

Но мне особенно повезло, что наши первые впечатления о новой стране, очень живые и яркие и, таким образом, наиболее устойчивые, были также наиболее приятными, так что в будущем наши воспоминания о прошлых странствиях будут раскрашены в самых яркие и стойкие цвета. Я уверен, что

воспоминание о моём первом взгляде на горы Камчатки, радость, с которой мои глаза впитывали их яркие, почти невозможные оттенки, и романтический восторг, которым моя горячая фантазия наделила их, надолго переживут воспоминания о трудностях, которые я от них перенёс – их снежные бури, терзавшие меня в горах, и дожди, заливавшие меня в долинах. Возможно, звучит чересчур мудрёно, но это так.

Тоска по суше, которую чувствуешь после пяти или шести недель в море, иногда бывает настолько сильной, что становится почти страстью. Я искренне верю, что если бы первой землей, которую мы увидели, была одна из тех огромных бесплодных равнин, которые впоследствии я так невзлюбил, то я бы и её счёл за подлинный рай на Земле. Не все прелести, которыми природа одарила тропические страны, могли бы доставить мне больше удовольствия, чем маленькая зелёная долина, в которой укрылись петропавловские домики с крышами из древесной коры.

Прибытие корабля в эту отдаленную и редко посещаемую часть света – событие немаловажное, и грохот нашей якорной цепи поднял весьма приличный ажиотаж в тихой деревне. Маленькие дети выбегали из домов с непокрытой головой, некоторое время смотрели на нас и затем спешили назад, чтобы позвать остальных членов семьи, темноволосые туземцы и русские крестьяне в синих рубашках и кожаных штанах столпились на берегу, и сотня полудиких собак внезапно разразились ужасным лаем в честь нашего приезда.

Был уже почти вечер, но мы не могли сдержать наше нетерпение ступить на сушу, и как только спустили капитанскую лодку, Буш, Махуд и я поспешили на берег, чтобы осмотреть селение.

Петропавловск выстроен в каком-то очень беспорядочном стиле, к тому же не очень живописном. Кажется, ни у первых поселенцев, ни у их потомков не было никакого понятия об улицах, а тропинки, или что-то похожее, бесцельно блуждают среди разбросанных там и сям домов, как козьи тропы в горах. Невозможно пройти сто ярдов по прямой линии в любом направлении, не упершись в стену дома или не оказавшись в чьём-то огороде, а ночью чуть не каждые пятьдесят футов спотыкаешься о дремлющую корову. В остальном это довольно симпатичная деревня, окруженная высокими зелёными холмами, с которой открывается прекрасный вид на красивый снежный пик Авачи, возвышающийся на высоту 11 000 футов прямо за окраиной.

Мистер Флюгер, немецкий купец, который возил нас в своей маленькой лодке по гавани, теперь стал нашим проводником, и после короткой прогулки по деревне пригласил нас к себе домой, где мы сидели в облаке душистого сигарного дыма, обсуждая американские военные новости и последние камчатские сплетни, пока, наконец, не стало темнеть. Я заметил среди книг, лежащих на столе мистера Флюгера, «Мысли о жизни» Г. Бичера и «Хроники семьи Шенберг-Котта», и удивился, что последние уже появились на

далёких берегах Камчатки.

Как вновь прибывшим, нашей первой обязанностью было выразить своё уважение российским властям, и в сопровождении г-на Флюгера и г-на Боллмана мы предстали перед капитаном Сутковым, начальником порта. Его дом с ярко-красной жестяной крышей едва виднелся в роще буйно растущих дубов, на берегу чистого горного ручья, струившегося чередой маленьких каскадов. Мы вошли в ворота, пошли по широкой аллее под сенью переплетенных ветвей и, не стуча, вошли в дом. Капитан Сутковой радушно приветствовал нас и, несмотря на нашу неспособность говорить на любом языке, кроме нашего, вскоре заставил нас чувствовать себя как дома. Разговор, однако, не клеился, так как каждое слово переводилось дважды, прежде чем оно могло быть понято тем, кому адресовано, и, даже удачное слово теряло свой смысл, будучи переданным через русский, немецкий и английский языки.

Я был удивлён, увидев так много свидетельств развитого и утонченного вкуса в этом отдалённом уголке, где я ожидал если не только самых примитивных жизненных потребностей, но, в лучшем случае, только наиболее распространённых из них. Огромный рояль российского производства занимал угол комнаты, а выбор русской, немецкой и американской музыки свидетельствовал о музыкальном вкусе его владельца. Несколько картин и литографий украшали стены, на столе в центре стоял стереоскоп с большой коллекци-

ей фотографий, рядом – незаконченная игра в шахматы, из-за которой поднялись капитан и мадам Сутковая, когда мы пришли.

Мы приятно провели около часа времени и удалились, получив приглашение на обед на следующий день.

Решение, продолжать ли наше путешествие к реке Амур или остаться в Петропавловске и начать наше путешествие на север отсюда, ещё не было принято, поэтому мы по-прежнему считали бриг своим домом и каждую ночь возвращались в нашу маленькую каюту. Первая ночь в порту была странно спокойной, умиротворённой и тихой, мы ведь привыкли к тому, что судно постоянно кренилось, качалось и скрипело, за бортом плескалась вода, а в снастях свистел ветер. В бухте же не было ни малейшего ветерка, высокие холмы на берегу отражались в её водах, как в зеркале. Несколько рассеянных огней из деревни отражались длинными светящимися полосами в тёмной воде, а с чёрного склона справа периодически доносился то слабый звон колокольчика, то длинный меланхоличный вой собаки. Я очень старался заснуть, но новизна всего происходящего, мысль о том, что мы сейчас находимся в Азии, и сотни мыслей о том, что нас ожидает, долго не давали уснуть.

Деревня Петропавловск, хотя и не самая большая, является одним из самых важных поселений на Камчатском полуострове и имеет население около двух-трёх сотен коренных жителей и русских крестьян, а также нескольких немец-

ких и американских купцов, привлеченных сюда торговлей соболями. Это не совсем типичное камчатское село, оно в немалой степени ощутило влияние от посещения его иностранцам и демонстрирует в своих манерах и образах жизни и мыслей некоторые свидетельства современного предпринимательства и просвещения. Селение существует с начала восемнадцатого века и уже достаточно созрело, чтобы обрести некую собственную цивилизацию, но возраст поселений в Сибири не является критерием развития, так что Петропавловск либо не достиг ещё зрелости, либо опять впал в детство.

Почему Петропавловск называется именем святых апостолов Петра и Павла, я так и не понял, даже после тщательного расследования. Священный канон не содержит никакого послания к камчатцам, в той мере, в которой они в нём нуждаются, и нет никаких других свидетельств того, что берег, на котором стоит деревня, когда-либо посещалась одним из тех святых, чьи имена он носит. Таким образом, можно заключить, что его жители, не отличающиеся апостольскими добродетелями и не испытывающие потребности святого заступничества, назвали поселение именем апостолов Петра и Павла в надежде, что эти апостолы почувствуют своего рода имущественное право на это место и обеспечат его окончательное спасение без каких-либо ненужных расследований его достоинств. Была ли это идея её основателей или нет, я не могу сказать, но такой план был бы в высшей степени

применим к состоянию населения в большинстве сибирских поселений, где вера сильна, но трудов мало.

Достопримечательности Петропавловска, с точки зрения туриста, немногочисленны и неинтересны. В нём есть два памятника в память о выдающихся мореплавателях Беринга и Лаперуза, и на его холмах есть следы укреплений, построенных во время Крымской войны для отражения десанта францужско-английской эскадры, но кроме них, город не может похвастаться ничем, представляющим исторический интерес. Однако для нас, два месяца запертых в тесной тёмной каюте, деревня была достаточно привлекательна сама по себе, и на следующее утро мы отправились на берег, чтобы прогуляться по лесистому полуострову, который отделяет небольшую гавань от Авачинской бухты. Небо было безоблачным, но над вершинами холмов низко плыл густой туман и скрывал окружающие горы от глаз. Весь пейзаж был зелёным, как изумруд и сочился влагой, а солнечный свет иногда пробивался сквозь облака испарений, и блики света проносились по влажным склонам холма, словно слезинки по лицу. Вся земля была покрыта цветами. Болотные фиалки голубели в траве, цветы водосбора раскачивали свои пурпурные заостренные венчики над серыми мшистыми скалами, тут и там густые заросли дикой розы покрывали землю одеялом розовых лепестков.

Ступая прямо по росистым цветам и стряхивая маленькие ливни воды с кустов, мы поднялись по склону крутого

холма между гаванью и заливом и неожиданно наткнулись на памятник Лаперузу. Я надеюсь, что его соотечественники, французы, воздвигли в память о нём какой-нибудь более приличествующий и прочный знак уважения, чем этот. Это просто деревянная рама, покрытая листовым железом и окрашенная в чёрный цвет. На ней нет ни даты, ни надписи, и она больше напоминает надгробную плиту над могилой преступника, чем памятник в честь выдающегося навигатора.

Буш присел на травянистый холмик, чтобы сделать набросок пейзажа, а мы с Махудом пошли вверх по склону к старым русским батареям. Их несколько, расположенных вдоль гребня хребта, который отделяет гавань от внешней бухты, и контролируют подступ к городу с запада. Теперь они почти заросли травой и цветами, и амбразуры только угадываются среди бесформенных куч земли. Казалось бы, что отдалённость и суровый климат Камчатки гарантируют её обитателям иммунитет от разрушительных действий войн. Но даже здесь оказались разрушенные укрепления и заросшие травой поля битвы, а безмолвные холмы хранят эхо недавнего сражения. Оставив Махуда критически осматривать окопы – занятие, которое более интересно для него, чем для меня, я прогулялся по холму до края утеса, с которого русскими артиллеристами была сброшена штурмовая группа союзников. Теперь там не осталось никаких следов от кровавой борьбы, произошедшей на краю пропасти. Мох покрывает своим

зелёным ковром землю, израненную в смертельной схватке, колокольчики кивают головками от свежего морского бриза, и ничто не говорит ни о последнем отчаянном штурме, ни о рукопашной схватке, ни о воплях побеждённых, сбрасываемых русскими штыками на каменистый берег с тридцатиметровой высоты.

Мне кажется, было бессмысленно и жестоко атаковать этот неважный и изолированный форпост, находящийся так далеко от реального центра конфликта. Если бы его захват каким-либо образом уменьшил власть или ресурсы российского правительства или отвлек бы его внимание от войны в Крыму, он, возможно, был бы оправдан, но это не могло иметь никакого прямого или косвенного влияния на конечный результат войны и лишь принесло страдания нескольким безобидным камчадалам, которые никогда не слышали о Турции или Восточном вопросе и чьим первым известием о войне был, вероятно, гром пушек противника и разрывы снарядов у их дверей. Атака союзного флота, однако, была успешно отражена, а его адмирал, ошеломлённый тем, что был побеждён горсткой простых казаков и крестьян, покончил жизнь самоубийством. В годовщину битвы все жители, во главе со священниками, распевая победные гимны, идут торжественным шествием вокруг деревни и холма, с которого был сброшен штурмовой отряд.

Собрав гербарий на поле битвы и завершив свой набросок, ко мне присоединился Буш, и мы, уставшие и мокрые,

вернулись в деревню. Наше появление где-либо на берегу неизменно вызывало ажиотаж среди жителей. Русские крестьяне и туземцы, которых мы встречали, с уважением снимали шапки и держали их в руках, пока мы проходили мимо, из окон домов с любопытством разглядывали «американских чиновников», а собаки раздражались яростным лаем и воем при нашем приближении. Буш заявил, что он не может вспомнить, что когда-нибудь в своей жизни он был так значителен и привлекал такое всеобщее внимание, как сейчас, при этом всё это он приписывал проницательности и смыслённости камчатского общества. Быстрое и инстинктивное признание превосходящего гения, утверждал он, является характерной чертой этого народа, и выражал глубокое сожаление, что это не в равной степени относится к некоторым другим, которых он мог упомянуть, но «хотел бы избежать намёков»...

Глава V

*Первая попытка выучить русский – План исследований –
Разделение партии.*

Одна из первых вещей, на которую путешественник обращает внимание в любой стране, является язык, и это особенно заметно на Камчатке, в Сибири или в любой другой части великой Российской империи. Я с трудом могу предположить, что такого предки русских натворили при строительстве Вавилонской башни, чтобы быть наказанными таким сложным, запутанным и совершенно непостижимым языком. Я иногда думаю, что они, должно быть, построили свою сторону Башни выше, чем другие племена, и были наказаны за свою греховную деятельность этой тарабарщиной невразумительных звуков, которую никто не будет понимать, прежде чем не станет таким старым и немощным, что никогда не сможет построить другую башню. Как бы то ни было, это, безусловно, «зубная боль» для всех путешественников в Российской империи. За несколько недель до того, как мы достигли Камчатки, я решил выучить, насколько возможно, несколько общих выражений, которые были бы наиболее полезны в нашем первом общении с туземцами, например, простое декларативное предложение: «Я хочу что-нибудь поесть». Я подумал, что это, вероятно, бу-

дет первое заявление, которое я должен сделать любому из жителей, и решил изучить его так тщательно, что мне никогда не грозила бы опасность голода от невежества. Соответственно, я однажды спросил майора, какое эквивалентное выражение этому было бы на русском языке. Он хладнокровно ответил, что всякий раз, когда я захочу есть, всё, что мне нужно сделать, это сказать: «Вашевысокоблагородиеи-великопревосходительствоитакдальше». Наверное, я никогда не чувствовал такого благоговейного восхищения благоприобретенными талантами кого либо, какое я испытал, когда услышал, как бегло и грациозно майор произнёс это невероятное предложение. Мой разум безоговорочно капитулировал при попытке представить то количество лет тяжёлого труда, которое должно было предшествовать моей первой просьбе о еде, и я с восхищением размышлял о той неутомимой настойчивости, которую майор приобрел благодаря такому языку. Если простая просьба о пище представляла собой такие трудности для произношения, то каким должен быть язык для обсуждения вопросов богословия и метафизики? Воображение моё застыло в ужасе от этой мысли...

Я откровенно сказал майору, что он может написать это кошмарное предложение на большой табличке и повесить её мне на шею, но что касается научиться произносить его, я не мог и даже не думал попытаться. Позже я узнал, что он воспользовался моей неопытностью и доверчивостью и дал мне несколько самых длинных и трудных слов своего варварско-

го языка, сделав вид, что они якобы о еде. На самом деле это можно было сказать гораздо проще, и совершенно не нужно было выбирать особо сложные слова.

Русский язык, я считаю, без сомнения, самый сложный для изучения из всех современных языков. И его трудность заключается вовсе не в произношении. Все его слова пишутся фонетически, и имеют только несколько звуков, которых нет в английском, но его грамматика исключительно сложна и запутана. В русском семь падежей и три пола, и поскольку последние не подчиняются никакому определённом порядку, а являются чисто произвольными, для иностранца почти невозможно выучить их так, чтобы давать существительным и прилагательным их надлежащие окончания. Его словарный запас очень велик, а идиомы имеют ярко выраженную индивидуальность, которую вряд ли можно оценить без тщательного знакомства с разговорной речью русских крестьян.

Русский, как и все индоевропейские языки, тесно связан с древним санскритом и, по-видимому, сохранил неизменными старые ведические слова в большей степени, чем любые другие языки. Первые десять цифр, как произносили их индусы за тысячу лет до христианской эры, были бы, за одним или двумя исключениями, понятны и современному русско-му крестьянину.

Во время нашего пребывания в Петропавловске нам удалось выучить на русском «Да», «Нет» и «Как дела?» и мы

поздравили себя даже с таким небольшим успехом в языке такой особенной трудности.

Наш прием в Петропавловске как русскими, так и американцами был самым сердечным и восторженным, и первые три-четыре дня после нашего приезда были проведены в непрерывной череде визитов и ужинов. В четверг мы совершили экскурсию верхом на лошади в маленькую деревню Авача, расположенную в десяти-пятнадцати верстах через залив, и вернулись, очарованные пейзажами, климатом и растительностью этого прекрасного полуострова. Дорога шла по склонам травянистых и лесистых холмов, над прозрачной голубой водой залива, между рощиц белоствольных берёз, открывая вид на крутые фиолетовые мысы у выхода в море и длинные хребты живописных заснеженных гор, простирающихся вдоль западного побережья до белого уединенного пика Вилючинского, на расстоянии тридцати или сорока миль. Растительность в своей роскоши была везде почти тропической. Мы могли бы собирать букеты цветов, почти не нагибаясь в наших сёдлах, а высокая дикая трава, по которой мы ехали верхом, во многих местах была нам по пояс. В восторге от того, что мы нашли климат Италии там, где ожидали колючий ветер Лабрадора, и воодушевлённые красивыми пейзажами, мы оглашали окрестные холмы американскими песнями, кричали, перекликались и носились на наших низкорослых казачьих лошадаках, пока солнце не предупредило нас, что пришло время возвращаться.

По информации, полученной в Петропавловске, майор Абаза сформировал план действий на предстоящую зиму, который был вкратце следующим: Махуд и Буш должны были идти на «Ольге» до Николаевска в устье реки Амур, на китайской границе, сделать это поселение своей базой снабжения и исследовать гористую местность, лежащую к западу от Охотского моря и к югу от морского порта Охотск. Тем временем мы с майором должны отправиться на север с группой туземцев через полуостров Камчатка и проложить предполагаемый маршрут линии на полпути между Охотском и Беринговым проливом. Разделившись здесь ещё раз, один из нас направится на запад, чтобы встретиться с Махудом и Бушем в Охотске, а другой – на север к русской торговой фактории под названием Анадырск¹⁰, примерно в четырехстах милях к западу от Берингова пролива. Таким образом, мы должны покрыть всю территорию, через которую пройдёт наша линия, за исключением бесплодной пустынной области между Анадырском и Беринговым проливом, которую наш начальник предложил оставить пока неисследованной. Принимая во внимание наши обстоятельства и ограниченность наших сил, этот план, вероятно, был лучшим, который мож-

---

¹⁰ Анадырск или Анадырский острог находился в среднем течении реки Анадырь примерно в 10 км выше по течению от современного села Марково с 1660 года по 1771 год. Ко времени, когда там был автор, его уже не существовало и Анадырском называли четыре деревни Марково, Покоруков, Псолкин и Крепость, отстоящие друг от друга на 10–20 вёрст. Не следует путать Анадырск с современным городом Анадырь, который находится в устье реки Анадырь.

но было разработать, но он обрекал нас с майором путешествовать всю зиму без единого спутника, кроме местных сопровождающих. Поскольку я не говорил по-русски, для меня было почти невозможно обходиться без переводчика, и майор привлёк к делу молодого американского торговца мехом по имени Додд, который уже семь лет жил в Петропавловске, говорил по-русски и был знаком с привычками и обычаями туземцев. С этим дополнением наш отряд насчитывал пять человек и должен быть разделен на три партии: одна для западного побережья Охотского моря, одна для северного побережья и одна для местности между морем и Северным полярным кругом.

Всё остальное, такое как транспортные средства и провизия, были оставлены на усмотрение самих партий. Мы должны были жить на природе, путешествовать с местными жителями и пользоваться всеми транспортными средствами и пропитанием, которые предоставит нам эта территория. Так что нам предстояла вовсе не увеселительная прогулка. Российские власти в Петропавловске предоставили нам всю информацию и помощь, которая была в их силах, но, колеблясь, выразили мнение, что пяти мужчинам никогда не удастся исследовать восемнадцать сотен миль бесплодной, почти необитаемой местности между рекой Амур и Беринговым проливом. По их словам, маловероятно, что майор вообще сможет пройти через Камчатский полуостров этой осенью, как он рассчитывал, но даже если он это сделает, то на-

верняка не сможет преодолеть обширные снежные пустыни Севера, заселенные лишь кочующими племенами чукчей и коряков. На что майор просто ответил, что ещё покажет, на что мы способны, и продолжил приготовления.

Утром в субботу, 26 августа, «Ольга» отправилась с Махудом и Бушем к реке Амур. Майор, Додд и я остались в Петропавловске, чтобы идти на север через Камчатку.

Поскольку утро было ясным и солнечным, я нанял лодку с туземной командой и проводил Буша с Махудом в море.

Когда мы начали выходить из-под скал западного побережья и почувствовали свежий утренний ветерок, я выпил прощальный бокал вина за успех «Отряда изучения реки Амур», пожал руку капитану, похвалил его «Историю Голландии», и попрощался с друзьями и остальными. Когда я покидал борт судна, второй помощник, переполненный эмоциями от мыслей об опасностях, с которыми я встречу в этой языческой стране, выкрикнул на смешном ломаном английском: «О, мистер Кинни! (он мог не выговорить Кеннан) Кто тебе готовить, и ты не можешь получить картошку?!», как будто отсутствие повара и картошки были вершиной всех земных лишений. Я с уверенностью заверил его, что мы сможем готовить сами и есть какие-нибудь корни, на что он скорбно покачал головой, как будто пророчески видел те страдания, к которому неизбежно приведут нас сибирские корни и наша кулинария. Позже Буш рассказал мне, что во время путешествия до Амура он часто замечал второго по-

мощника в глубокой и грустной задумчивости, и, однажды подошёл к нему и спросил, о чём он думает. Тот ответил, печально покачивая головой и с неопишным акцентом: «Бедный мистер Кинни! Бедный мистер Кинни!» Несмотря на скептицизм, с которым я относился к его морскому змею, он нашёл мне место в своей суровой душе, рядом с его любимым котом Томми и свиньями.

Когда «Ольга» подняла паруса, повернула на восток и медленно вышла из залива, я в последний раз увидел Буша, стоящего на юте за рулем и телеграфирующего мне рукой что-то неразборчивое азбукой Морзе. В ответ я взмахнул шляпой, повернулся к берегу и, с комом в горле, приказал гребцам навалиться на вёсла. «Ольга» ушла, и с ней оборвалась последняя нить, связывающая нас с цивилизованным миром.

Глава VI

Казачья свадьба – Полуостров Камчатка.

Наше время в Петропавловске после ухода «Ольги» было почти полностью занято подготовкой к путешествию на север Камчатского полуострова. Однако во вторник Додд сказал мне, что в церкви должна состояться свадьба, и пригласил меня прийти и стать свидетелем на церемонии. Мы пришли в церковь сразу после какого-то утреннего богослужения, которое как раз закончилось. Я без труда узнал в толпе счастливую пару, чьи судьбы должны были связать священные узы супружества. Они выдавали свой маленький секрет нарочитым равнодушием и задумчивостью.

Невезучим (или счастливчиком?) был молодой казак с круглой головой лет двадцати, одетый в тёмный сюртук, обшитый алой тесьмой и собравшийся как дамское платье выше пояса, который с полным пренебрежением к анатомии находился на шесть дюймов ниже подмышек. В честь такого случая на нём был огромный белый стоячий воротник, который возвышался над его ушами, как сказал бы второй помощник с «Ольги», «как лиселя над фор-брамселем». Из-за прискорбного отсутствия понимания между его хлопчатобумажными брюками и обувью между ними было примерно шесть дюймов, и никаких мер для устранения этого недо-

статка принято не было. Невеста была сравнительно пожилой женщиной – по крайней мере, лет на двадцать старше молодого человека, и к тому же вдовой. Я со вздохом вспомнил о прощальном напутствии старшего мистера Уэллера¹¹ своему сыну: «Остерегайся вдов!» и подумал, что бы сказал этот старый джентльмен, увидев эту уверенную в своём счастливом будущем «жертву», идущую к алтарю. На невесте было платье из странного ситца без рисунка и какой-либо отделки. Было ли оно скроено «по диагонали» или «с выточками» – я не берусь судить, так как пошив одежды для меня – такая же оккультная наука, как и гадание. Её волосы были плотно повязаны алым шёлковым платком, скрепленным маленькой позолоченной пуговкой. Как только церковная служба была завершена, аналой был перенесён на середину, и священник, надев чёрное шёлковое платье, которое странным образом контрастировало с его тяжёлыми воловьими сапогами, подозвал чету к себе.

После этого он дал каждому три зажжённые свечи, связанные вместе синей лентой и начал громко читать звучным голосом то, что, видимо, было нужно по брачному обряду, не останавливаясь, а только шумно переводя дыхание и продолжая затем с удвоенной скоростью. Кандидаты на вступление в брак молчали, и только дьякон, рассеянно посматривая

---

¹¹ Персонаж «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, слуга мистера Пиквика. Известен своими «уэллеризмами» – юмористическими изречениями типа «Уж пить, так пить! – сказал котёнок, когда несли его топить».

в окно, время от времени откликался протяжным пением.

В конце чтения все несколько раз благочестиво перекрестились, и священник, задав чете решающий вопрос, дал им по серебряному кольцу. Затем, после ещё более продолжительного чтения, он дал им по чайной ложке вина из чашки. Чтение продолжалось снова и снова в течение долгого времени, жених и невеста непрерывно крестились и кланялись, а дьякон с поразительной быстротой раз пятнадцать за пять секунд повторял слова «Господи помилуй!». Затем он принёс два больших позолоченных венца, украшенных иконами, и, сдув пыль, скопившуюся на них со времени последней свадьбы, возложил их на головы жениха и невесты.

Венец оказался великоват для молодого казака и наделся ему до самых ушей, заслонив при этом глаза. Волосы невесты – или, точнее, своеобразная причёска, в которую они были «уложены», исключали возможность венцу удержаться на её голове, и поэтому держать венец над головой назначили кого-то из зрителей. Затем священник сказал чете взяться за руки, сам взял за руку жениха, и все они начали поспешно маршировать вокруг аналоя – сначала священник, волоча за собой казака, который, ослепленный венцом, постоянно наступал на пятки священнику, затем невеста следует за женихом, стараясь, чтобы венец не помял причёску, и наконец, помощник, несущий позолоченный символ царской власти над головой невесты, и наступающий ей на платье. Весь спектакль был настолько неопишимо нелепым, что

я никак не мог удержаться в рамках приличия, которое соответствовало торжественности момента, и громко рассмеялся, чем весьма шокировал присутствующих. Трижды они обошли таким образом вокруг аналоя, и церемония закончилась. Жених и невеста благоговейно поцеловали свои венцы и пошли по церкви, крестясь и кланяясь перед каждой из икон, которые висели на стенах, после чего, вернулись, чтобы получить поздравления друзей. Конечно, ожидалось, что «выдающиеся американцы», о чьём уме, вежливости и учтивости все так много слышали, поздравят невесту с этим благодатным событием, но по крайней мере один выдающийся, но несчастный американец не знал, как это делать. Моё знание русского было ограничено «Да», «Нет» и «Как дела?», и ни одно из этих выражений не совсем соответствовало ситуации. Желая, однако, поддержать национальную репутацию вежливости, а также проявить расположение к невесте, я выбрал последнюю из этих фраз, как мне показалось, наиболее подходящую, и торжественно и, боюсь, несколько неловко подошёл и с очень низким поклоном и на очень плохом русском спросил невесту как у неё дела, на что она любезно ответила: «Чрезвычайно хорошо! Покорнейше Вас благодарю», после чего «выдающийся американец» удалился с гордым сознанием выполненного долга. Я был не очень хорошо осведомлен о состоянии здоровья невесты, но, судя по легкости и быстроте, с которой она произнесла это потрясающее предложение, мы пришли к выводу, что с ней должно быть

всё в порядке. Иначе ничто, кроме крепкого телосложения и отличного здоровья, не позволило бы ей это сделать. После чего, Додд и я, сотрясаясь от смеха, покинули церковь и вернулись в своё жильё. Позднее майор рассказал мне, что церемония бракосочетания в греко-православной церкви, при правильном её исполнении, впечатляет своей торжественностью, но я не знаю, смогу ли когда-нибудь забыть ту картину, как бедный казак шел вокруг аналоя за священником, спотыкаясь и с венцом по самые уши!

С момента, когда майор принял решение о сухопутном путешествии по Камчатке, он посвятил всё свое время и силы на подготовку. Ящики, обшитые тюленьей кожей и предназначенные для подвешивания на выючных сёдлах, были подготовлены для перевозки наших запасов, палатки, медвежьей шкуры и лагерное снаряжение были куплены и тщательно упакованы, и всё, что знание местных жителей могло подсказать для жизни на природе, было заготовлено в количествах, достаточных для двухмесячной поездки. Лошади были заказаны во всех соседних деревнях и по всему маршруту, которым мы собирались следовать, впереди нас был направлен специальный курьер с наказом повсюду информировать туземцев о нашем прибытии и давать им указание быть дома со всеми своими лошадьми, пока наш отряд не проследует их селение.

Подготовившись, 4 сентября мы отправились в путь на Крайний Север.

Полуостров Камчатка, который мы собирались пройти, представляет собой длинный неправильной формы кусок суши, лежащий к востоку от Охотского моря, между пятьдесят первым и шестьдесят вторым градусами северной широты и имеющий длину около семисот миль. Он почти полностью вулканического происхождения, посередине его проходит обширный скалистый хребет с пятью или шестью непрерывно действующими вулканами. Эта огромная цепь гор, которая до сих пор не имеет названия¹², простирается от пятьдесят первой до шестидесятой широты одним почти непрерывным гребнем и обрывается в Охотское море, оставляя на севере высокогорную тундру, называемую «дол»¹³ – пустынную долину, по которой кочуют «оленные» коряки. Центральные и южные части полуострова разделены отрогами этого большого горного хребта на глубокие долины самого дикого и живописного вида, по своей величественной и разнообразной красоте не имеющие равных во всей Северной Азии. Климат повсюду, за исключением крайнего Севера, сравнительно мягкий и ровный, а растительность обладает почти тропической яркостью и пышностью, полностью противоречащей всем представлениям о Камчатке. Население полуострова, по моим оценкам, составляет около 5000 человек, и состоит из трёх национальностей: русских, камча-

---

¹² Современное название – Срединный хребет.

¹³ Паропольский дол – низменность на севере Камчатки, где происходит соединение полуострова с материком.

далов, или осёдлых аборигенов, и кочевых коряков. Самые многочисленные, камчадалы, селятся в небольших деревнях по всему полуострову, возле устьев небольших рек, текущих с центральной части гор в Охотское море или Тихий океан. Их основными занятиями являются рыбная ловля, пушная охота и выращивание ржи, репы, капусты и картофеля, которые вполне хорошо растут на севере до широты 58°. Их самые большие поселения находятся в плодородной долине реки Камчатки, между Петропавловском и Ключами. Русские, которых сравнительно мало, разбросаны среди камчадалских деревень и, как правило, занимаются торговлей мехами с камчадалами и северными кочевыми племенами. Кочевые коряки, самые дикие, самые влиятельные и независимые аборигены на полуострове, редко заходят южнее 58-й параллели, за исключением целей торговли. Их привычные места обитания – это обширная пустынная тундра, лежащая к востоку от Пенжинской губы, где они постоянно кочуют с места на место отдельными семьями, живут в больших чумах и полностью зависят от своего огромного стада прирученных и одомашненных оленей. Правительство России для всех жителей Камчатки представлено офицером, называемым «исправник» – он же местный губернатор (строго говоря, это начальник районной полиции). Он разрешает все правовые вопросы, которые могут возникнуть между отдельными лицами или племенами, взимает ежегодный «ясаk» или налог на меха, которым облагается каждый житель мужского по-

ла на полуострове. Он проживает в Петропавловске, и из-за размеров провинции, которая находится под его управлением, и из-за недостатка транспорта, который находится в его распоряжении, его редко можно увидеть за пределами села, где находится его штаб-квартира. Единственным средством передвижения между далеко расположенными поселениями камчадалов являются вьючные лошади, лодки и собачьи упряжки, а на всём полуострове нет ни единой дороги, как таковой. В дальнейшем, когда я буду говорить о «дорогах», то под этим словом надо будет понимать не что иное, как просто геометрическую линию без каких-либо характерных черт, которые обычно ассоциируются со словом «дорога».

По этой дикой, малонаселённой местности мы намеревались путешествовать, нанимая туземцев с лошадьми от одного населённого пункта до другого, пока не достигнем начала территории кочующих коряков. К северу от этого места у нас уже не будет какого-либо регулярного транспорта, и мы должны будем довериться удаче и милости арктических кочевников.

Глава VII

Встреча с Севером – Камчатские ландшафты, поселения и люди

Я не припомню ни одного путешествия за всю свою жизнь, которое доставило мне большее удовольствие или более приятные воспоминания, чем начало нашего пути в 275 верст на лошадях по цветущим холмам и зелёным долинам южной Камчатки. Окружённые самыми дикими и прекрасными пейзажами всей северной Азии, испытывая новизну и приключенческий азарт лагерной жизни и радуясь вновь обрётённой свободе и абсолютной независимости, мы радостно забыли о цивилизации и с лёгким сердцем устремились в неизведанность, оглашая окрестные холмы нашими криками и ауканьем.

Наш отряд, кроме погонщиков и проводников, состоял из четырёх человек: майора Абазы, начальника азиатской экспедиции, Додда, молодого американца, которого мы наняли в Петропавловске, Выюшина, назначенного к нам казака и меня. Слова, иронически сказанные Митридатом про армию Лукулла, – что если это послы, то их слишком много, а если солдаты, то слишком мало – в равной степени подходили и к нашему отряду, но сила не всегда измеряется числом, и у нас не было опасений, что мы не сможем справиться с труд-

ностями, которые встретятся на нашем пути. Мы также не сомневались, что сможем найти средства к существованию там, где бóльший отряд мог бы терпеть нужду.

В воскресенье, 3 сентября, наши лошади были загодя нагружены и отправлены в небольшую деревню на противоположной стороне залива, куда мы собирались добраться на китобойной лодке. В понедельник 4-го мы попрощались с российскими властями, выпив непомерное количество шампанского за наше здоровье и успехи, и отправились на двух парусных лодках в Авачу в сопровождении всего американского населения Петропавловска. Выйдя в залив, с сильным юго-западным ветром мы быстро достигли устья реки Авача и высадились в деревне, чтобы в пятнадцатый раз освежиться «пятнадцатую каплями» и отпустить, наконец, наших друзей Пирса, Хантера и Фронфилда домой. Выпив неисчислимое количество чарок в честь святого-покровителя камчатских исследователей и обменявшись пожеланиями удачи, мы, наконец, распрощались и начали медленно продвигаться вверх по реке с шестами и веслами к камчадальскому поселению Окута¹⁴.

Наша туземная команда, приняв участие во всеобщем веселье, сопровождавшем наш отъезд, и совершенно непривычная к такому безрассудному пьянству, к тому времени впала в состояние совершенно счастливого безумия – они

---

¹⁴ Так Кеннан назвал село Хутор, ныне Хуторский район (в советское время пос. Пограничный) города Елизово, в южной его части.

пели свои камчадалские песни, благословляли американцев и поочередно падали за борт, не внося какого-либо заметного вклада в успешное плавание нашего тяжелого китобойного судна. Вьюшин, однако, с характерной для него энергией вытаскивал тонущих за волосы, стучал им по голове веслом, чтобы привести в чувство, стаскивал лодку с мелей, надёжно держал курс вверх по течению, работал шестом, грёб на веслах, прыгал в воду, кричал, ругался и вообще показал себя на высоте в такой чрезвычайной ситуации.

Было уже значительно после полудня, когда мы покинули Петропавловск, а из-за бестолковости наших камчадалов и множества песчаных перекатов ночь настигла нас на реке на некотором расстоянии ниже Окуты. Выбрав место поудобнее, мы причалили к берегу и приготовились к нашему первому бивуаку на открытом воздухе. Примяв высокую влажную траву, Вьюшин поставил нашу маленькую палатку, уложил на пол тёплые сухие медвежьи шкуры, импровизировал стол и скатерть из пустого ящика и чистого полотенца, разжёг огонь, вскипятил чай и через двадцать минут поставил перед нами горячий ужин, который не уступил бы кулинарному мастерству самого Соьера¹⁵. После ужина мы сидели у костра, курили и разговаривали, пока на западе не погасли долгие сумерки, а затем, завернувшись в тёплые одеяла, улеглись на медвежьи шкуры и лежали, прислушиваясь к

---

¹⁵ Алексис Соьер (1810–1858) – знаменитый французский шеф-повар в викторианской Англии.

сонному кряканью уток в осоках и одиноким вскрикам ночных птиц, пока, наконец, не уснули.

Солнце только забрезжило, как я проснулся. Туман, висевший в течение недели в серых облаках вокруг гор, теперь исчез, и первым, что увидели мои глаза через откинутый полог палатки, был большой белый конус Вилючинской сопки, ярко сияющий сквозь предрассветную серость. Вот восток запылал утренней зарёй, и природа проснулась. Утки и гуси крякали в тростниках вдоль берега, плаксивые крики морских чаек разносились над рекой, а из ясного голубого неба доносились мелодичный голоса диких лебедей, летящих вглубь страны к местам кормления. Я умылся в прозрачной холодной воде реки и разбудил Додда, чтобы показать ему горы. Прямо за нашей палаткой, гигантским снежным конусом возвышался колоссальный пик Корякской сопки высотой в десять тысяч пятьсот футов, его острая вершина уже окрасилась розовыми лучами восходящего солнца, а утренняя звезда Венеры всё ещё слабо пульсировала над холодным фиолетовым восточным склоном. Немного правее высился огромный вулкан Авача, от его зубчатой вершины тянулся длинный шлейф золотистого дыма, а вулкан Козельский выпускал тёмные пары из трех своих кратеров. На юге, в тридцати милях, стоял острый пик Вилючинский, на вершине которого уже горели утренние лучи, а за ним – туманные голубые очертания прибрежного хребта. Струи тумана тут и там всплывали по склонам гор и исчезали в вышине,

как ночные духи. Всё теплее и теплее, розовый румянец восхода опускался по снежным склонам, пока, наконец, быстрым внезапным всполохом не пролил свет на всю долину, окрасив нашу маленькую палатку нежным, как лепесток дикой розы, цветом, превратив каждую каплю росы в мерцающий бриллиант, а спокойную воду реки – в дрожащую, вспыхивающую массу жидкого серебра.

Нет, вряд ли я романтик, но скажу,
Что сердцем восхищённым дорожу
Мгновеньями, когда его задеты струны,
Когда по клавишам души моей прошлась
Живыми пальцами сама Природа,
И тихой музыкой во мне отозвалась¹⁶...

Я едва успел восторженно продекламировать этот стих, как Додд, который никогда не позволял своему увлечению красотами природы вмешиваться в надлежащее отношение к благополучию своего желудка, вышел из палатки и с насмешливыми церемонными извинениями за мой прерванный монолог, сказал, что если бы я мог спуститься с небес в материальный мир, то он сообщил бы мне, что завтрак готов, и осмелился бы посоветовать «тихой музыке в моей душе» немного потерпеть, что нанесло бы мне не больше ущерба, чем упомянутый завтрак. Я не стал отказываться от пригла-

---

¹⁶ Строки из «Луна над Гудзоном» Чарльза Ф. Хоффмана (1806–1884), американского поэта. *Перевод Л.Поклонной*

шения, тем более, что оно было подкреплёно весьма аппетитным запахом из палатки. Я принялся за еду, но всё ещё продолжал между ложками горячего супа «бредить», как выразился Додд, о пейзаже. После завтрака палатка была собрана, лагерное снаряжение упаковано, и мы, заняв места на корме нашего судна, отчалили и продолжили наш медленный подъем вверх по реке.

Растительность вокруг нас, ещё не тронутая осенними заморозками, казалась почти тропической. Высокая трава с разнообразными цветами доходила до самого берега, рододендроны и лапчатка росли густыми зарослями вдоль берега и роняли свои розовые и жёлтые лепестки, похожие на крошечные лодочки, на поверхность чистой спокойной воды, жёлтые акилеи¹⁷ любовались своими отражениями на фоне величественного вулкана, а удивительные чёрные камчатские лилии¹⁸, поникнув головами, стояли тут и там в грустном одиночестве, оплакивая в своём погребальном одеянии какое-то неведомое нам цветочное горе.

Картину природы дополняла животная жизнь. Любопытные и боязливые дикие утки, вытянув шеи, стремительно пролетали над нами с хриплым кряканьем, приглушенное расстоянием гоготание гусей доносилось до нас со склонов гор, порою величественный орел взлетал со своего дозорно-

---

¹⁷ Акилей или аквилегия – род растений семейства лютиковых, то же, что водосбор.

¹⁸ Он же рябчик камчатский.

го поста на скале и, расправил широкие крылья, поднимался вверх широкими кругами, пока не превращался в точку на фоне белоснежного кратере Авачинского вулкана. Никогда ещё я не видел такой дикой первозданной природы, как в этой прекрасной плодородной долине, окруженной дымящимися вулканами и снежными вершинами, не менее зелёной, чем Долина Темпи¹⁹, полная животной и растительной жизни, но уединённая, необитаемая, и, наверное, никому неизвестная. Около полудня лай собак объявил о близости поселения, и вскоре за поворотом реки мы увидели камчадалскую деревню Окута.

Деревня камчадалов в некоторых отношениях настолько сильно отличается от поселения американского Дикого Запада, что заслуживает, несомненно, более подробного описания. Она почти всегда расположена на небольшом возвышении недалеко от берега какой-нибудь реки или ручья, в окружении рощиц тополей и жёлтых берез и защищена высокими холмами от холодных северных ветров. Её дома, разбросанные тут и там по берегу, очень низкие и сделаны из тёсаных бревен, проконопаченных сухим мхом. Крыши покрыты соломой из длинной грубой травы или перекрывающимися полосами коры лиственницы с широкими свесами. Оконные рамы, хотя иногда и остеклённые, чаще всего по-

---

¹⁹ Темпейская долина или Долина Темпи в Фессалии (Греция), между горами Оса и Олимп. Славится своей густой растительностью, многократно воспета древнегреческими поэтами.

крыты лоскутами прозрачных рыбьих пузырей, сшитых вместе нитью из сухожилий северного оленя. Двери почти квадратные, а дымовые трубы – не что иное, как длинные жерди, расположенные по кругу и обмазанные глиной. Кое-где между домами стоят с полдюжины любопытных архитектурных «четвероногих» сооружений, называемых «балаганами» или рыбными амбарами. Они представляют собой просто конические бревенчатые шатры, поднятые над землей на четырёх столбах, чтобы уберечь их содержимое от собак, и похожи на копны сена на ногах. Высокие горизонтальные рамы из жердей стоят у каждого дома, заполненные тысячами штук вяленого лосося, и «древний, вечный запах рыбы»²⁰ пронизывает окружающую атмосферу, недвусмысленно указывая на характер занятий камчадалов и пищи, которой они живут. Полдюжины долблёных лодок лежат кверху днищами на песчаном берегу, на них – большие искусно связанные рыболовные сети, по две-три длинных узких собачьих нарт прислонены к каждому дому, и с сотню остроухих волкоподобных собак, привязанных с промежутками к длинным брёвнам, тяжело дышат на солнце, злобно огрызаясь на назойливых мух и комаров. В центре деревни, обращенная входом к западу, во всей красе камчатско-византийской архитектуры, блещет красной краской и сверкает куполами, увенчанными великолепными золотыми крестами, вездесущая православная церковь, странным образом контрастирующая с грубыми бре-

---

²⁰ Строка из пьесы «Буря» У.Шекспира.

венчатыми домами и коническими балаганами, над которыми она простирает свою духовную защиту. Она обычно построена из тщательно отёсанных брёвен, окрашена в тёмный кирпично-красный цвет, покрыта зелёным листовым железом, и увенчана двумя луковичными жестяными куполами небесно-голубого цвета и украшенными золотыми звёздами. Сверкая всеми своими контрастами цвета среди некрашенных бревенчатых домов посреди первозданной природы, она имеет странный, невыразимо живописный вид. Если вы сможете представить себе обычное селение американской глубинки, из невысоких бревенчатых домов, теснящихся вокруг ярко окрашенной турецкой мечети, полудюжину стогов сена на высоких столбах, пятнадцать или двадцать громадных деревянных решеток, полных подвешенных на них сушёной рыбы, несколько саней и каноэ, небрежно лежащих вокруг, и сотню или более серых волков, привязанных тут и там к длинным тяжелым брёвнам, у вас будет общее, но довольно точное представление о типичном камчадальском поселении. Они различаются размерами и церквями, но серые срубы, конические балаганы с сушёной рыбой, волкоподобные собаки, лодки, нарты и запах рыбы – это их неизменные черты.

Жители этих туземных поселений на юге Камчатки – темно-смуглые и значительно ниже среднего роста сибирских аборигенов. Они сильно отличаются от кочевых племен коряков и чукчей, которые живут севернее. Мужчины в сред-

нем около пяти футов три или четыре дюйма ростом²¹, имеют широкие плоские лица без бород, выступающие скулы, маленькие и довольно впалые глаза, прямые, длинные чёрные волосы, маленькие руки и ноги, очень тонкие конечности и склонность к увеличению живота. Они, вероятно, имеют среднеазиатское происхождение, но, наверное, давно не имели связи с какими-либо другими сибирскими племенами, из тех, которых я знаю, и совсем не похожи на чукчей, коряков, якутов или тунгусов. Из-за того, что они жили оседлым, а не кочевым образом жизни, они оказались покорены русскими гораздо легче, чем их кочевые соседи, и с тех пор в большей степени испытали культурное влияние от общения с русскими. Они почти повсеместно переняли религию, обычаи и привычки своих завоевателей, и их собственный, весьма любопытный язык уже выходит из употребления. Вообще, о них проще всего сказать кем они не являются: они не воинственны и не независимы, как северные чукчи и коряки, они не скупы и не нечестны, за исключением тех случаев, когда эти черты являются результатом российского воспитания, они не подозрительны и не недоверчивы, а скорее наоборот, и таких щедрых, гостеприимных, и просто добросовестных и справедливых, добродушных при любых обстоятельствах людей я никогда ещё не встречал. Как племя они, несомненно, вымирают. С 1780 года их численность сократилась более чем наполовину, и часто повторяющиеся эпи-

---

²¹ 160-163 см.

демии и голод вскоре превратят их в сравнительно слабое и малозначимое племя, которое в конечном итоге будет поглощено растущим русским населением полуострова. Они уже утратили большинство своих характерных обычаев и суеверий, и лишь случайно современный путешественник может увидеть их обряд традиционного язычества, такой, как жертва собаки какому-нибудь злему духу непогоды или болезни. Они почти полностью зависят от лосося, который каждое лето в огромных количествах заходит в эти северные реки, его бьют острогой, ловят неводами и сетями тысячами. Эта рыба, высушенная без соли на воздухе, являются пищей камчадалов и их собак на протяжении всей долгой холодной зимы. Летом, однако, их меню более разнообразно. Климат и почва речных долин на юге Камчатки позволяют выращивать рожь, картофель и корнеплоды, а весь полуостров изобилует животными. Олени и чёрные и бурые медведи бродят повсюду по болотистым равнинам и травянистым долинам, горные бараны и козы нередко встречаются в горах, и миллионы и миллионы самых разных уток, гусей и лебедей водятся у каждой реки и каждого болотца и озера. Эти водоплавающие птицы отлавливаются в огромных количествах во время линьки специальными «загонами» из пятидесяти-семидесяти пяти человек на лодках, которые преследуют большую стаю птиц вверх по узкому ручью, в конце которого установлена огромная ловчая сеть. Затем птиц убивают дубинками, ощипывают и солят на зиму. Чай и сахар, которые

привезли русские, были приняты с большой охотой, ежегодное потребление в настоящее время составляет более 20 000 фунтов того и другого на одной только Камчатке. Хлеб теперь делают из ржи, которую камчадалы сами выращивают и мелют, но до прихода русских единственным местным заменителем хлеба была некое подобие муки, состоящее в основном из тёртых клубней пурпурной камчатской лилии. Единственными фруктами здесь являются ягоды и разнообразность дикой вишни. Ягод, однако, здесь пятнадцать или двадцать различных сортов, из которых наиболее важными являются черника, морошка и карликовая клюква. Их туземцы собирают в конце осени и замораживают для употребления зимой. Коров держат почти во всех камчадальских поселениях, и молока всегда предостаточно. Любопытно местное блюдо из кислого молока, запеченного творога и сладких сливок, посыпанное сахарной пудрой и корицей, достойное того, чтобы его поставили на европейский стол.

Так что, как мы видим, жизнь в камчатском поселении с гастрономической точки зрения, не так уж и плоха, как мы привыкли думать. Я видел туземцев в долинах Камчатки, которые жили в таком же удобстве и комфорте, как и девять десятых поселенцев наших западных штатов и территорий.

Глава VIII

Конные тропы южной Камчатки – Жилища и пища людей – Оленьи языки и варенье из лепестков роз – Духовные песни камчадала.

В Окуте мы нашли всё приготовленным к нашему прибытию, и, наскоро пообедав в маленьком туземном домике хлебом, молоком и черникой, вскарабкались в седла и поехали длинной вереницей через лес. Додд и я выступали впереди, распевая «Бонни Данди»²².

Мы ехали вдоль группы великолепных гор, но из-за зарослей берёзы и рябины у подножия холмов, мы лишь изредка видели их белоснежные вершины.

Незадолго до заката мы въехали в другую маленькую туземную деревню, замысловато сконструированное имя которой отвергло все мои неуклюжие попытки произнести или записать его. Додд был достаточно добродушен, чтобы повторить его мне пять или шесть раз, но так как это звучало всё хуже и неразборчивее с каждым разом, то я, наконец, назвал деревеньку Иерусалимом²³ и на этом успокоился. Ради географической точности я так и отметил её на своей карте,

---

²² «Bonnie Dundee» («Красавчик Данди») – шотландская народная песня весьма «боевого» содержания.

²³ Это было село Старый Острог, ныне город Елизово.

но пусть ни один будущий комментатор не будет ликовать, указывая на это, как на доказательство того, что утерянные колена Израилевы эмигрировали на Камчатку. Я знаю, что это не так, но также твёрд в том, что это несчастное поселение, до того, как я пожалел его и назвал Иерусалимом, отличалось именем настолько варварским, что ни еврейским, ни любым другим древним алфавитом его не выразить.

Утомившись от непривычной верховой езды, я въехал в Иерусалим шагом и, бросив уздечку камчадалу в синей нанковой рубашке и штанах из оленьих шкур, приветствовавшим меня благоговейным поклоном, я устало спешил и вошёл в дом, который Вьюшин указал нам как тот, в котором мы должны были поселиться.

Лучшее помещение в деревне, подготовленное для нашего приёма, было низким домиком около двенадцати футов шириной, стены, потолок и пол из неокрашенных берёзовых досок были вычищены до белизны, которая сделала бы честь даже голландским домохозяйкам. Большая глиняная печь, аккуратно выкрашенная в красный цвет, занимала одну половину комнаты, скамья, стол и три или четыре допотопных стула вокруг него – другую. Два застеклённых окна, с занавесками из ситца в цветочек, пропускали внутрь тёплое солнце, несколько аляповатых американских литографий висели на стенах – вся эта атмосфера совершенной опрятности, царившая в домике, заставила нас со стыдом вспомнить о наших грязные ботинках и грубом наряде. Ни-

какие инструменты кроме топоров и ножей не использовались в строительстве этого дома и его мебели, но неструганное и неокрашенное дерево было так тщательно и до такой белизны вымыто водой с песком, что это возмещало всю примитивность их изготовления. В полу не было ни одной доски даже с малейшим изъяном. Наиболее заметной особенностью этого, как и всех других камчадалских домов, которые мы видели на юге Камчатки, были низкие двери. Казалось, они были сделаны для каких-то существ, которые передвигались только на четвереньках, и чтобы войти в такие двери, не становясь на колени, требовалась гибкость позвоночника, которую можно было приобрести только в результате длительной и настойчивой практики. Вьюшин и Додд, путешествовавшие ранее по Камчатке, уже приспособились к этой особенности местной архитектуры, но майор и я в первые пару недель нашего путешествия набили себе столько шишек, что их необычайные размеры и расположение озадачили бы даже Шпурцгейма и Гагля²⁴. Если бы размер наших шишек привел бы к соответствующему развитию наших способностей, то это было бы некоторой компенсацией за наши изуродованные головы, но, к сожалению, хотя шишка «предусмотрительности» по размерам уже выросла с гусиное

---

²⁴ Галль и Шпурцгейм – основатели френологии – псевдонауки о взаимосвязи между психикой человека и строением поверхности его черепа. Френология, в частности, утверждала, что различия в мозговых извилинах можно определить по выпуклости («шишке») на соответствующем участке черепа, а при недоразвитии части мозга – по впадине.

яйцо, это не развило в нас способность чувствовать очередной косяк на нашем пути, пока мы не ударились об него.

Казак, которого послали впереди нашего отряда, чтобы он уведомлял туземцев о нашем прибытии, настолько преувеличивал нашу важность, что иерусалимцы предприняли самые тщательные приготовления к нашему приему.

Дом, который должен был удостоиться чести нашего присутствия, был тщательно вычищен, подметен и украшен; женщины надели самые красивые свои платья из ситца и повязали на голову самые яркие шёлковые платки, лица ребятшек были до блеска вымыты с мылом конопляными мочалками. Со всей деревни было собрано необходимое количество тарелок, чашек и ложек для нашего стола, а угощения в виде уток, оленьих языков, черники и взбитых сливок приносились в таком количестве, которое лучше всего говорило о доброжелательности и гостеприимстве жителей, а также об их сочувствии к нуждам уставших путешественников.

Через час мы уселись за стол с аппетитом, обостренным чистым горным воздухом, и насладились превосходным ужином из холодной жареной утки, варёных оленьих языков, чёрного хлеба со свежим сливочным маслом, черники со сливками и восхитительного варенья из лепестков шиповника. Мы приехали на Камчатку готовые стоически переносить однообразную диету из тюленьей ворвани, свечного сала и китового жира, но представьте наше удивление и восторг от того, что вместо этого мы получаем удовольствие от

такой сибаритской роскоши, как черника, сливки и засахаренные лепестки роз!

Лукулл когда-нибудь ел варенье из лепестков роз в своих хвалёных садах развлечений в Тускуле?²⁵ Никогда! Оригинальный рецепт приготовления небесной амброзии был утерян ещё до знаменитого римского обжоры, но он был заново открыт скромными жителями Камчатки и теперь предлагается всему миру как первый вклад гиперборейцев в гастрономическую науку. Возьмите равное количество белого сахара и лепестков шиповника, добавьте немного сока черники, разотрите в густую малиновую массу, подайте в разрисованных деревянных чашечках и представляйте себе, что вы пируете с богами на вершине Олимпа!

Сразу после ужина я растянулся тут же под столом, который практически и эстетически отвечал всем признакам кровати с четырьмя ножками, надул свою маленькую резиновую подушку, завернул сам себя, как мумию, в одеяло, и уснул.

Майор, всегда рано встававший, проснулся на следующее утро на рассвете. Додд и я, с редким для нас единодушием, расценивали раннее вставание как пережиток варварства, поощрением которого ни один американец, с должным уважением относящийся к цивилизации девятнадцатого века, себя не унизит. Поэтому мы заключили между собой со-

---

²⁵ Тускул или Тускулум – город Древнего Рима, своеобразное дачное место для богатых римлян того времени.

глашение спокойно спать до тех пор, пока «караван», как его непочтительно называл Додд, не будет готов начать движение или, по крайней мере, пока нас не позовут завтракать.

Однако вскоре после рассвета кто-то начал громко о чём-то ругаться, и спросонок вообразив, что я присутствую на особенно оживленном предвыборном собрании в родном Новом Орлеане, я вскочил, сильно ударился головой о стол, и сел, ошарашено обводя вокруг глазами. Майор, едва одетый, яростно носился по комнате, ругая испуганных проводников на классическом русском, потому что все лошади ночью разбежались и теперь, как он сказал с выразительной простотой, бродят чёрт знает где. Это было довольно неудачное начало нашей кампании, но в течение двух часов было найдено большинство убежавших животных, сборы продолжены, и, после изрядного количества ненормативной лексики со стороны проводников, мы, наконец, покинули Иерусалим и не спеша поехали по травянистым холмам у подножья Авачинского вулкана.

Это был прекрасный тёплый день бабьего лета, и необычная тишина и безмятежный покой, казалось, пронизывали всю природу. Ветки берёзы и ольхи неподвижно висели над тропой в лучах солнца, карканье сонной вороны на вершине лиственницы доносилось до наших ушей с удивительной отчетливостью, и нам даже показалось, что мы слышим шум прибоя на далёком берегу океана. В воздухе слышалось жужжанье пчёл, а от фиолетовых ягод черники, которые наши

лошади давили копытами на каждом шагу, исходил насыщенный фруктовый аромат.

Всё вокруг нас, казалось, сговорилось в том, чтобы соблазнить усталого путешественника вытянуться на тёплой душистой траве и провести весь день в роскошном безделье, слушая жужжание сонных пчёл, вдыхая сладкий аромат раздавленной черники и наблюдая за клубами дыма, который лениво поднимался из высокого кратера большого белого вулкана.

Я со смехом сказал Додду, что вместо того, чтобы находиться в Сибири – в студёном крае русских ссыльных – мы, по-видимому, на каком-то сказочном ковре-самолёте из «Тысячи и одной ночи» перенеслись в Страну Лотофагов²⁶, чем и объясняется наше мечтательное, сонливое настроение. «К чёрту лотофагов! – вдруг взорвался Додд, яростно шлёпая себя по лицу. – Гомер не писал, что лотофагов пожирали такие ужасные комары, как эти, а это – достаточное доказательство того, что мы на Камчатке – ни в одной стране мира эти насекомые не вырастают размером со шмеля!»

Я мягко напомнил ему, что согласно Исааку Уолтону²⁷, каждое несчастье, которого мы избежали – это ещё одна милость, и, следовательно, он должен быть благодарен за каж-

---

²⁶ Мифическая страна из гомеровской «Одиссеи», жители которой питались плодами лотоса, дававшими им забвение от мирской жизни.

²⁷ Исаак Уолтон (1593–1683) – английский писатель, наиболее известен как автор трактата о рыбной ловле «Искусный рыболов».

дого комара, который его не укусил. Додд только пробурчал в ответ: «Попался бы мне этот старый Исаак!». Какая расправа ожидала бы старого Исаака, я не стал уточнять, но было очевидно, что Додд не одобрял его философию, да и мою попытку утешения тоже, поэтому я не стал дальше развивать тему.

Максимов, начальник наших погонщиков, вероятно, смутно подозревал, что, поскольку всё так тихо и спокойно, то, должно быть, наступило воскресенье. Он медленно ехал через редкие ветви серебряной берёзы, бросавшие тень на тропу, и монотонно распевал громким, звучным голосом православные псалмы. Время от времени он прерывал это благочестивое занятие, чтобы обругать своих покорных лошадок такими выражениями, которые вызвали бы зависть и восхищение самого нечестивого солдафона из армии Фландрии.

«Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помо-лил-ся (Эй, ты, свинья! Держись на дороге!), излил пред Ним моление мо-ое, печаль мою открыл Е-му-у... (Вставай! Ты, корова! Ты, старый, слепой, с сломанными ногами сын Злого Духа! Куда ты прёшь!) Когда изнемогал во мне дух мо-ой, Ты знал стезю мо-о-ю. (Опять разлётся?! А кнута?! Старые сонные проклятые свиньи!) Я воззвал к Тебе, Господи, я сказал: Ты прибежище мое и часть моя на земле живы-ых (Ну, что за кляча! Боже ты мой!)... и вижу, что не стало для меня убежища, никто не заботится о душе

мо-о-ей. (Тпру! Ты мерзавец! Какого ты туда полез? Экая ворона! Подлец! Слепой что ли?! Чёрт тебя возьми!)» – тут Максимов достиг такого накала и метафоричности своих ругательств, что моё восприятие действительности остановилось, чтобы перевести дух. Казалось, он не осознавал никакого несоответствия между пением благочестивых псалмов и своими богохульными воплями, которыми он их сопровождал; но, даже если бы он был полностью осведомлён об этом, он, вероятно, расценил бы псалмы как справедливую плату за ругательства и продолжил бы с безмятежностью и уверенностью, что если на каждый священный стих у него придётся по одному ругательству, то его небесный счет будет вполне сбалансирован!

Дорога, вернее, тропа, ведущая из Иерусалима, сворачивала на запад и петляла сквозь густой тополино-берёзовый лес у подножия невысоких безлесных гор. Время от времени мы выезжали на поросшие травой поляны, сплошь покрытые черникой, здесь мы внимательно смотрели во все глаза: нет ли там медведей? Но все было тихо и спокойно – даже кузнечики стрекотали сонно и лениво, как будто они тоже собирались поддаться дремоте, которая, казалось, одолевала всё вокруг.

Чтобы спастись от комаров, безжалостное преследование которых стало почти невыносимым, мы поскакали быстрее через широкую ровную долину, поросшую густыми зарослями высокими зонтичных растений, промчались по невысоко-

му холму и галопом ворвались в деревню Коряки²⁸, среди воя и лая ста пятидесяти полудиких собак, ржания лошадей, беготни людей и всеобщей суматохи.

В Коряках мы сменили большую часть лошадей и людей, пообедали на свежем воздухе под свесом крыши поросшего мхом камчадальского дома и в два часа отправились в Малку²⁹, другую деревню, расположенную в пятидесяти или шестидесяти милях далее, за водоразделом Камчатки. На закате, быстро проехав пятнадцать или восемнадцать миль, мы внезапно выехали из густого тополиного, берёзового и рябинового леса на небольшую поросшую травой поляну, которая, казалось, была специально устроена для того, чтобы разбить на ней лагерь. С трех сторон она была окружена лесом, а с четвертой обрывалась в дикое горное ущелье, забитое камнями, бревнами, густыми кустами и колючками. Чистый холодный ручей струился каскадами по тёмному оврагу, по песчаному, окаймленному цветами руслу, через поросшую травой поляну, и скрывался в лесу. Лучшего места для ночлега было не найти, и мы решили остановиться здесь, пока ещё светло. Привязать лошадей, собрать хворост для костра, навесить чайники и поставить палатку было делом нескольких минут, и вскоре мы уже лежали, вытянувшись

---

²⁸ Коряки – существующее и ныне село Елизовского района. Возникло до 1700 года.

²⁹ Малка или Малки – существующее и ныне село на реке Быстрая. Возникло во второй половине XVIII века.

во весь рост, на тёплых медвежьих шкурах, вокруг покрытого полотенцем стола-ящика, пили горячий чай, обсуждали Камчатку и любовались, как розовеет закат над горами.

Умиротворенный журчанием падающей воды и позвякиванием колокольчиков наших лошадей в лесу за палаткой, я подумал, что нет ничего приятнее походной жизни на Камчатке.

На следующий день мы добрались до Малки совершенно измученные. Дорога стала ужасно неровной и разбитой, она шла по узким ущельям, заваленным камнями и стволами деревьев, по мокрым мшистым болотам и по таким крутым обрывам, что мы не решались ехать верхом и спешили. Нас то и дело выбивало из сёдел, ящики с провизией бились о деревья и насквозь промокли в болотах, подпруги ослабевали, возницы ругались, лошади падали, и все мы то и дело попадали во всякие неприятности. Майор, непривычный к таким превратностям Камчатского путешествия, держался как спартанец, но я заметил, что последние десять миль и он подложил на седло подушку и время от времени кричал Додду, который со стоической невозмутимостью ехал впереди: «Эй, Додд! Скоро мы доберёмся до этой проклятой Малки?». Додд постёгивал коня ивовым прутом, поворачивался в седле вполоборота и отвечал с насмешливой улыбкой, что «мы ещё не совсем приехали, но скоро приедем!» – двусмысленное утешение, которое не вызвало у нас особого энтузиазма. Наконец, когда уже начало темнеть, мы

увидели вдалеке высокий столб белого пара, который поднимался, по словам Додда и Вьюшина, от горячих источников Малки, и через пятнадцать минут, усталые, мокрые и голодные, въехали в деревню. Ужин в тот вечер был для меня не самым главным. Всё, чего мне хотелось, – это забраться под стол, где никто на меня не наступит, и чтобы меня оставили в покое. Никогда прежде я не испытывал такого ясного ощущения всей своей мускульной и костной системы. Каждая отдельная кость и сухожилие в моем теле напоминали о своём индивидуальном существовании отчетливой болью, а спина перестала разгибаться, как будто в неё забили гвозди. Я с грустью подумал, что никогда больше не смогу иметь свои пять футов и десять дюймов, если только не лягу в прокрустово ложе и не вытяну спину до первоначальной длины. Тряска и толчки, думал я, наверное, так склепали мои позвоночки между собой, что ничем, кроме хирургической операции, их не разъединить. Прокручивая в голове такие печальные мысли, я заснул под столом, даже не сняв сапог.

Глава IX

*Красивая долина Ганалы³⁰ – Литературные стены – Пу-
гаем медведя – Езда на лошадях заканчивается.*

На следующее утро снова взобраться в седло было нелегко, но майор не обращал внимания ни на какие просьбы о задержке. Суровый и непреклонный, как Радамант³¹, он тяжело взобрался на свою пуховую подушку и подал знак трогаться. С помощью двух сочувствующих камчадалов, у которых, может быть, тоже когда-то болела спина, мне удалось взобраться на коня, и мы направились в Ганальскую долину – этот сад южной Камчатки.

Деревня Малки лежит на северном склоне водораздела Камчатки, окруженная невысокими голыми гранитными холмами, и немного напомнила мне Вирджинию-Сити в штате Невада. Местность известна главным образом горячими минеральными источниками, но так как у нас не было времени посетить эти источники самостоятельно, мы были вынуждены поверить туземцам на слово относительно их температуры и лечебных свойств и удовольствоваться отда-

---

³⁰ Ганалы – существующее и ныне село Елизовского района. Возникло в нач. XVIII века на реке Быстрая на месте жилья камчадала Ганалы.

³¹ Радамант – в древнегреческой мифологии сын Зевса и Европы, справедливый судья в загробном мире.

ленным видом столба пара, который отмечал их местоположение.

К северу от села открывается длинная узкая долина Ганалы – самое красивое и плодородное место на всём Камчатском полуострове. Она имеет около тридцати миль в длину, в среднем три мили в ширину и ограничена с обеих сторон цепями высоких заснеженных гор, которые простираются от Малки и почти до верховьев реки Камчатки длинной полосой белых зубчатых вершин и острых утёсов. Узкий ручеёк вьётся по долине, окаймленный высокой травой в четыре-пять футов высотой и кое-где затенённый берёзами, ивами и ольхой. Листва уже начинала приобретать яркие краски ранней осени, и широкие горизонтальные полосы малинового, жёлтого и зелёного проходили по горным склонам, отмечая в великолепной хроматической гамме последовательные зоны растительности, от долины до белоснежных вершин.

Когда незадолго до полудня мы достигли середины долины, пейзаж приобрел такую яркость красок и чёткость контуров, что вызвал восторженные восклицания всей нашей маленькой компании. На пятнадцать миль в каждую сторону простиралась солнечная долина, по которой серебряной цепью тянулась река Быстрая, по берегам которой виднелись берёзовые рощи и ольховые заросли. Подобно Счастливой долине Расселаса³², она, казалось, была отгорожена от

---

³² В «Истории Расселаса, принца Абиссинского» С. Джонсона – сказочная до-

остального мира непроходимыми горами, чьи снежные пики и вершины могли бы соперничать в живописной красоте, разнообразии и неповторимости форм с самыми неистовыми фантазиями восточной архитектуры.

По бокам гор тянулся широкий горизонтальный пояс темно-зелёных сосен, резко и красиво контрастировавший с чистым белым снегом высоких вершин и ярким багрянцем горной рябины, пылающим ниже. Кое-где горы были расколоты какой-то титанической силой, оставившей глубокие узкие каньоны и зловещие тёмные ущелья, куда едва проникал солнечный свет.

Представьте себе при всём этом тёплую благоухающую атмосферу и глубокое синее небо, в котором плыло несколько облаков, таких лёгких, что не отбрасывали тени, и вы, возможно, получите приблизительное представление об одном из самых красивых пейзажей на всей Камчатке. Американская Сьерра-Невада может позволить себе виды и более диковинные, но нигде в Калифорнии или Неваде я не видел отличительных черт зимы и лета – снега и роз, голого гранита и ярко окрашенной листвы – сливающихся в такую гармоничную картину, как в долине Ганалы в солнечный день ранней осени.

Днём, когда у нас было на то время, мы с Доддом часто занимались сбором и поеданием ягод. Быстро ускакав вперед, пока караван не отставал от нас на несколько миль, мы

лина удовольствий и неги, окруженная со всех сторон неприступными горами.

ложились в каких-нибудь особенно роскошных зарослях на берегу реки, привязывали лошадей к ногам, грелись на солнышке и пировали жёлтой медовой морошкой и тёмно-фиолетовыми шариками восхитительной голубики, пока наша одежда не покрывалась пятнами, а сами мы не становились похожими на двух команчей в боевой раскраске.

До заката был ещё час, когда мы приблизились к деревне Ганалы. Мы миновали поле, где мужчины и женщины косили сено примитивными серпами, с невозмутимым спокойствием ответили на их изумлённые взгляды и доехали до реки, на другом берегу которой стояла деревня.

Взобравшись в сёдла с коленями, мы преодолели неглубокий ручей, не замочившись, но вскоре наткнулись на другой, примерно такого же размера. Мы переправились и через него и столкнулись с третьим. Мы миновали и его, но при появлении четвёртого майор в отчаянии крикнул Додду: «Додд! Сколько ещё этих поганых рек мы должны перейти, чтобы добраться до этой отвратительной деревни?» – «Только одну», – спокойно ответил Додд. – «Одну?! Тогда сколько раз эта река протекает мимо этой деревни?» – «Пять раз», – последовал спокойный ответ. – «Видите ли, – серьёзно объяснил он, – у этих бедняг камчадалов только одна река, и та не очень большая, так что они заставили её пять раз течь мимо их поселения, и с помощью этой хитроумной уловки они ловят в пять раз больше лососей, чем если бы она протекала только один раз!» Майор удивленно замолчал и, казалось,

обдумывал какую-то сложную задачу. Наконец он оторвал взгляд от луки седла, пронзил виноватого Додда суровым укоризненным взглядом и торжественно спросил: «Сколько раз должна проплыть данная рыба мимо данного поселения, чтобы обеспечить население пищей, при условии, что рыба поймана каждый раз, когда она проходит мимо?» Это *reductio ad absurdum*³³ было уже слишком для серьезности Додда, он расхохотался и, упершись пятками в бока лошади, с громким всплеском миновал пятую протоку и поскакал на другой берег в деревню Ганалы.

Мы поселились в доме деревенского старосты, где растелили медвежьи шкуры на чистом белом полу низкой комнаты, забавно оклеенной старыми экземплярами «Иллюстрированных лондонских новостей». Цветная американская литография, изображавшая примирительный поцелуй двух обиженных влюблённых, висела на стене и, очевидно, с большой гордостью воспринималась владельцем как неоспоримое свидетельство культуры и утончённого вкуса, доказывающее его близкое знакомство с американским искусством, с нравами и обычаями американского общества.

Несмотря на усталость, мы с Доддом посвятили вечер исключительно литературным занятиям: при свете сальных свечей старательно рассматривали на стенах и потолке номера «Иллюстрированных лондонских новостей», читали придворные сплетни на берёзовой доске в углу и некрологи вы-

---

³³ *reductio ad absurdum* – доведение до абсурда (лат.)

дающихся англичан на двери. Благодаря трудолюбию и настойчивости мы закончили одну сторону дома перед тем, как лечь спать и, получив огромное количество ценных сведений о войне в Новой Зеландии, были настроены продолжить наши исследования утром на трёх оставшихся стенах и потолке. Однако, к нашему великому сожалению, мы были вынуждены отправиться в наше странствие, так и не выяснив, как закончилась эта война – и так и не знаем этого до сих пор! Задолго до шести часов мы выехали на свежих лошадях в путь длиной в девяносто верст до села Пушино³⁴.

Одежда нашей маленькой компании приобрела к этому времени весьма пёстрый и разбойничий вид, так как каждый из нас время от времени избавлялся от тех предметов своего цивилизованного одеяния, которые оказывались неудобными, и заменял их такими, которые более соответствовали требованиям походной жизни. Додд выбросил фуражку и повязал голову жёлто-алым платком. Вьюшин украсил свою шляпу длинной алой лентой, весело развевавшейся на ветру, как вымпел. Синяя охотничья рубашка и красная турецкая феска заменили мне китель и фуражку. Мы все носили винтовки за спиной, револьверы на поясе и ходили на самых живописных разбойников, какие когда-либо грабили неосторожных путешественников на Апеннинских перевалах. Робкий турист, встретить он нас, бешено скачущих по до-

---

³⁴ Пушино – село Мильковского района на реке Камчатка. Возникло до 1787 года.

роге в Пушино, упал бы на колени и вытащил кошелёк, не задавая лишних вопросов.

Майор, Додд, Вьюшин и я весь день ехали на своих свежих, резвых лошадях далеко впереди остальных. Ближе к вечеру, когда мы уже были готовы быстро пересечь равнину, известную как Камчатская тундра, майор вдруг осадил своего коня на дыбы, обернулся к нам и закричал: «Медведь! Медведь!», и большой черный медведь бесшумно поднялся из высокой травы у самых ног его лошади.

Волнение, могу честно подтвердить, было ужасным. Вьюшин снял с плеча двустволку и принялся осыпать медведя утиной дробью, Додд энергично вытянул револьвер и немедленно пустился наутёк, майор бросил уздечку и умолял меня всем святым, что у меня есть, не попасть в него, лошади прыгали, брыкались и фыркали самым необузданным образом. Единственным спокойным и хладнокровным во всей компании оставался сам медведь! Несколько секунд он хладнокровно оценивал ситуацию, а затем неуклюже поскакал в лес.

В одно мгновение к нашей партии вернулось присутствие духа, и она с самым безрассудным героизмом бросилась за ним следом, отчаянно крича: «Стой!», стреляя самым решительным и бесстрашным образом из четырёх револьверов и дробовика и, проявляя чудеса доблести, пыталась схватить свирепого зверя, не вставая у него на пути и не приближаясь к нему ближе, чем на сотню ярдов.

Все было напрасно. Медведь исчез в лесу, как тень, и, полагая по его свирепости и мстительности, что он приготовил нам засаду, мы сочли за лучшее отказаться от преследования. Сравнив наши впечатления, мы обнаружили, что все мы были одинаково поражены его огромными размерами, его косматостью и вообще его дикой внешностью, и все в то же самое время испытывали непреодолимое желание схватить его за горло и вспороть ему брюхо охотничьим ножом, как это прекрасно описывается в старых книжках про путешествия. Ничто, кроме упрямства наших лошадей и быстроты бегства медведя, не помешало бы этому желанному завершению! Майор даже решительно заявил, что он уже давно заметил медведя, и специально наехал на него, для того, чтобы «его напугать», и сказал почти словами грозного Фальстафа, что «мы должны отдать ему должное за это, а если нет, то следующего медведя можете сами пугать».

Позднее, спокойно и бесстрастно размышляя над этим, я подумал, что если бы какой-нибудь медведь до этого не напугал майора, то он, вероятно, и не стал бы сворачивать, чтобы напугать этого. Однако мы сочли своим долгом предостеречь его, чтобы он не ставил под угрозу успех нашей экспедиции такими безрассудными подвигами, как устрашение диких зверей.

Стемнело ещё задолго до Пуцино. Наши усталые лошади освежились после захода солнца прохладным вечерним воздухом, и около восьми часов вечера мы слышали вдалеке

собачий лай, который у нас уже ассоциировался с горячим чаем, отдыхом и сном, а через двадцать минут мы уже уютно лежали на медвежьих шкурах в камчадальском доме.

С рассвета мы преодолели шестьдесят миль, но это была хорошая дорога. Мы уже привыкли к верховой езде и устали совсем не так, как по пути до Малки. Теперь только тридцать верст отделяло нас от верховьев реки Камчатки, где мы должны были оставить наших лошадей и проплыть двести пятьдесят миль на плотах и туземных лодках.

На следующее утро, после четырехчасовой езды по ровной дороге, мы были в Шаромах³⁵, где для нас уже были приготовлены плоты.

Без всякого сожаления я оставил на время путешествие верхом. Эта жизнь подходила мне во всех отношениях, и я не мог припомнить ни одного путешествия, которое доставляло бы мне более чистое, здоровое наслаждение и представлялось более приятным, чем это. Однако, ещё вся Сибирь лежала впереди, и наше сожаление о том, что мы покидаем места, которые никогда больше не увидим, было смягчено предвкушением будущих приключений, столь же новых и ещё более грандиозных, чем все, что мы видели до сих пор.

---

³⁵ Шаромы – село Мильковского района.

Глава X

Река Камчатка – Жизнь на плывущей лодке – Царский приём в Мильково³⁶.

Для человека ленивого нрава особенно приятно плыть в лодке по реке. У такого путешествия есть все преимущества: разнообразие, смена обстоятельств и пейзажа, и всё это без всякого напряжения, все ленивые удовольствия жизни на лодке даются без монотонности, которая делает долгое морское путешествие таким невыносимым. По-моему, Грей³⁷ говорил, что рай для него – это «лежать на диване и читать вечно новые романы Мариво³⁸ и Кребийона³⁹». Если бы автор «Элегии» мог растянуться на открытой палубе камчадальской лодки, устланной шестидюймовым слоем душистых цветов и свежескошенного сена, если мог бы медленно плыть по широкой спокойной реке между заснеженных гор, мимо лесов, пылающих жёлтым и алым, обширных лугов, колышущихся высокой травой, если бы любовался, как

---

³⁶ Мильково – село, центр Мильковского района. Основано в 1743 году.

³⁷ Томас Грей – английский поэт-сентименталист XVIII века, автор известной «Элегии на сельском кладбище».

³⁸ Пьер Карлэ де Шамблэн де Мариво – французский драматург и прозаик XVIII века.

³⁹ Клод Кребийон – французский писатель XVIII века.

полная луна поднимается над одинокой снежной вершиной Ключевского вулкана, отражаясь в реке узкой полоской дрожащего света, слушал бы плеск весел лодочника и его тихую меланхоличную песню – он выбросил бы Мариво и Кребийона за борт и привёл бы пример райских наслаждений по-лучше.

Я знаю, что, восхваляя камчатские пейзажи, я подвергаю себя обвинению в преувеличении, и что мой энтузиазм, быть может, вызовет улыбку у более опытного путешественника, видевшего Италию и Альпы; тем не менее, я описываю вещи такими, какими они мне представлялись, и не утверждаю, что впечатления, которые они произвели, были теми, которые должны или должны были бы произвести на человека с более обширным опытом и более разнообразными наблюдениями.

Говоря словами одного испанского писателя, «человека, который никогда не видел солнца, нельзя винить за то, что он думает, что нет ничего ярче луны; или того, кто никогда не видел луны, за то, что он говорит о непревзойденной яркости утренней Венеры.» Если бы я плавал по Рейну, взбирался на Маттерхорн и видел восход луны над неаполитанским заливом, я, возможно, смотрел бы на Камчатку более беспристрастно и менее восторженно, но по сравнению с тем, что я уже видел или воображал, горные пейзажи южной и центральной Камчатки были бесподобны.

В Шаромах наш передовой гонец приготовил нам суд-

но рода местного камчатского плота. Оно состояло из трёх больших лодок, расположенных параллельно друг другу на расстоянии около трёх футов и привязанных ремнями из тюленьей кожи к прочным поперечным шестам. Над ними был устроен пол или платформа размером примерно десять на двенадцать футов, оставлявшая место на носу и корме каждой лодки для людей с веслами, которые должны были приводить в движение и направлять громоздкое судно каким-то ещё неизвестным нам, но, несомненно, приемлемым образом. На платформе, покрытой слоем свежескошенного сена толщиной в шесть дюймов, мы поставили нашу маленькую хлопчатобумажную палатку и превратили её в очень уютную «каюту» при помощи медвежьих шкур, одеял и подушек. Ружья и револьверы были отстёгнуты от наших усталых тел и подвешены к стойкам палатки, тяжёлые сапоги для верховой езды бесцеремонно сброшены и заменены мягкими торбасами из оленьей кожи, сёдла уложены в укромных уголках для будущего использования – в общем, мы расположили все наши вещи так, чтобы полностью насладиться роскошью, которое давало нам наше положение.

После двухчасового отдыха, во время которого наш тяжёлый багаж был перенесен на другой такой же плот, мы спустились на песчаный берег, попрощались с толпой, собравшейся провожать нас, и медленно поплыли по течению, а камчадалы на берегу махали нам шляпами и платками, пока не скрылись за изгибом реки.

Пейзаж верхней Камчатки на протяжении первых двадцати миль был сравнительно неинтересен, так как горы были полностью скрыты за густым смешанным лесом, начинавшимся у самой воды. Поначалу, однако, нам доставляло удовольствие лежать в палатке на мягких медвежьих шкурах, наблюдая за ярко раскрашенной и постоянно меняющейся листвой на берегах, быстро, но бесшумно проходить крутые изгибы реки и медленно вливаться в обширные плёсы с неподвижной водой, спугнуть большого камчатского орла с его одинокого насеста на какой-нибудь выступающей скале и всполошить стаю шумных водоплавающих, длинными рядами улетающих прочь.

Навигация на верхней Камчатке несколько сложнее и опаснее в ночное время из-за быстрого течения и частых коряг, и, как только стемнело, наши лодочники сочли небезопасным идти дальше. Соответственно, мы вытащили наши плоты на песок и отправились на берег дожидаться восхода Луны.

В густом подлеске на краю песчаного берега был очищен небольшой полукруг, разведены костры, подвешены над огнём котлы с картошкой и рыбой, а мы собрались вокруг живого огня, чтобы до ужина курить, разговаривать и петь американские песни. Для цивилизованных глаз картина была причудливой и живописной. Тёмная пустынная река, печально журчащая среди затопленных деревьев, густой первобытный лес, тихо шепчущий пролетающему ветру про своё

удивление нашим вторжением в его одиночество, огромный пылающий костёр, отбрасывавший на неподвижную воду багровые отблески и таинственно освещающий окружающий лес, группа странно одетых людей, беспечно разлёгшихся вокруг костра на мохнатых медвежьих шкурах – всё это составляло картину, достойную кисти Рембрандта.

После ужина мы забавлялись тем, что развели на берегу огромный костер из плавника и бросали горящие головни в прыгающих из воды лососей, поднимающихся вверх по реке, и испуганных уток, разбуженных необычным шумом и светом. Когда от костра остались только тлеющие угли, мы расстелили медвежьи шкуры на мягком, податливом песке у самой воды и лежали, глядя на мерцающие звёзды, пока сознание не растворилось во сне, а сон – в полном забвении.

Около полуночи я был разбужен каплями дождя на лице и завываниями ветра в верхушках деревьев и, вылезши из-под промокших одеял, обнаружил, что Додд с майором принесли палатку на берег, растянули её среди деревьев и воспользовались её укрытием, но при этом предательски оставили меня беззащитным под проливным дождем, как будто не имело никакого значения, сплю я в палатке или в грязной луже! Обдумав, лучше ли мне залезть внутрь или отомстить, обрушив палатку им на головы, я решил всё-таки сначала скрыться от дождя, а отомстить в более подходящее время. Не успел я снова заснуть, как на лицо мне упал мокрый брезент, сопровождаемый криком: «Подъём! Время отплыть!» Я выполз

из-под упавшей палатки и, мрачный, спустился к плоту, обдумывая различные хитроумные планы поквитаться с майором и Доддом, которые сначала оставили меня под дождем, а потом разбудили посреди ночи, шлёпнув мне по голове мокрой тряпкой.

Был час ночи – тёмное, дождливое и хмурое утро, – но луна уже взошла, и наши лодочники сказали, что уже достаточно светло, чтобы тронуться в путь. Я в это не верил, но мои сонные высказывания на этот счёт не имели никакого веса для майора, а мои протесты были полностью проигнорированы. С горечью в сердце, надеясь, что мы наткнемся на какую-нибудь корягу, я угрюмо улёгся под дождём на мокрую траву нашего плота и постарался во сне забыть о своей горе. Из-за встречного ветра мы не могли поставить палатку, и были вынуждены укрыться клеёнчатыми одеялами и дрожать всю оставшуюся ночь.

Примерно через час после рассвета мы подошли к камчадальской деревне Мильково, крупнейшему туземному поселению на полуострове. Дождь прекратился, тучи начали рассеиваться, но воздух всё ещё был холодным и сырым. Человек, посланный накануне из Шаромов на лодке, известил жителей о нашем приближении, и сигнальная пушка, из которой мы выстрелили, когда обогнули последний поворот реки, выгнала на берег почти всё население. Нас встречали, как римских триумфаторов! «Отцы города», как назвал их Додд, в количестве двадцати человек собрались на месте, где мы

должны были причалить и начали кланяться, снимать шляпы и кричать «Здравствуйте!» когда мы были ещё в пятидесяти ярдах от берега, затем раздался салют из дюжины ржавых кремневых мушкетов, столь старых, что это грозило нашей жизни, и дюжина встречающих бросилась в воду, чтобы помочь нам благополучно высадиться. Деревня стояла недалеко от берега реки, и туземцы приготовили для нас четырёх самых страшных лошадей, каких я когда-либо видел на Камчатке. Упряжь каждой состояла из медвежьих шкур, деревянного седла, похожего на конёк крыши, стремян, висящих на залатанных ремнях длиной не более фута, и поводьев из моржовой кожи, обвязанных вокруг морды животного.

Я не видел, как майору удалось взобраться на коня, но нас с Доддом, невзирая на все наши увещевания, схватила дюжина длинноволосых камчадалов и начала тянуть в разные стороны, пока борьба за овладение какой-нибудь частью наших несчастных тел не стала напоминать схватку за тело мёртвого Патрокла, и, наконец, торжествуя подняла нас, почти бездыханных, в сёдла. Ещё один такой гостеприимный приём навсегда лишил бы Русско-Американскую телеграфную компанию возможности пользоваться нашими услугами! Я успел только мельком взглянуть на майора. Он был похож на перепуганного сухопутного жителя, которого посадили на кончик бушприта быстроходного клипера, а лицо его исказилось в гримасе одновременно боли и изумления. У меня не было возможности выразить моё сочувствие

его страданиям, потому что один возбуждённый туземец уже схватил мою лошадь за повод, ещё трое с благоговейно обнаженными головами упали ниц, и меня с триумфом повели в неизвестном направлении! Невыразимая нелепость нашего положения ещё не поразила меня в полной мере, но тут я оглянулся назад и увидел майора, Вьюшина и Додда. Они восседали на тощих камчадальских лошадях, с коленями на уровне подбородков, с полдюжины туземцев в причудливых костюмах бежали рядом рысцей, а большая процессия мужчин и юношей с непокрытыми головами торжественно замыкала шествие, колотя лошадей палками для поддержания в них остатков жизни и духа. Это слегка напомнило мне Римский триумф: майор, Додд и я были героями-победителями, а камчадалы – пленниками, которых мы принудили идти «под игом», и которые теперь украшали наш триумфальный въезд в город Семи Холмов. Я поделился этим наблюдением с Доддом, но он заявил, что сделать из нас «победоносных героев» было бы насилием над его воображением и предложил термин «героические жертвы», как столь же поэтичный и более соответствующий нашему положению. Его суровый практический ум возражал против любой причудливой идеализацией нашего несчастья.

Волнение, охватившее всех, когда мы двинулись в гору, не имело себе равных в летописях этого тихого поселения. Когда мы въехали в деревню, возбуждение толпы не уменьшилось, а даже возросло. Наш разношерстный эскорт бегал

взад-вперед, размахивая руками, и орал какие-то распоряжения с самым неистовым видом, чьи-то головы стремительно появлялись и исчезали в окнах домов, как в калейдоскопе, а триста собак вносили свой вклад в общее смятение, разразившись таким адским концертом, что воздух буквально содрогнулся от лая.

Наконец мы остановились перед большим одноэтажным бревенчатым домом, и дюжина туземцев помогли нам спешиться и войти. Как только Додд пришел в себя, он спросил: «Что, во имя всех русских святых, происходит с этим поселением?» Вьюшину было приказано послать за старостой деревни, и тот немедленно явился, кланяясь с поразительной настойчивостью китайского мандарина.

Затем между майором и старостой состоялся продолжительный разговор по-русски, прерываемый пояснительными комментариями на камчадалском языке, которые мало что проясняли. Явная и всё возрастающая улыбка постепенно смягчала суровое лицо майора, пока, наконец, он не разразился таким заразительным смехом, что, несмотря на мое незнание природы этого веселья, я присоединился к нему с искренним сочувствием. Как только к нему частично вернулось самообладание, он выдохнул: «Туземцы приняли вас за Императора!» – и его снова охватил приступ смеха, который грозил закончиться удушьем или апоплексическим ударом. Я терялся в недоумении и лишь слабо улыбался, пока майор не пришел в себя настолько, чтобы дать более вразуми-

тельное объяснение своему веселью. Оказалось, что курьер, посланный из Петропавловска, чтобы извещать туземцев полуострова о нашем прибытии, привез письмо от исправника с именами и должностями членов нашей партии, в котором моё имя было записано как «Егор Кеннан, телеграфист и оператор». Случилось так, что мильковский староста обладал редким для тех мест умением читать по-русски, и письмо было передано ему для передачи его содержания жителям деревни. Он какое-то время поломал голову над неизвестным ему словом «телеграфист», но так и не смог придумать никаких предположений о его возможном значении. Слово «оператор», однако, звучало более знакомо, оно было написано не совсем так, как он привык, но, несомненно, предполагало слово «император». «Император!» – и с трепещущим от волнения сердцем, со вставшими дыбом волосами, он бросился разносить весть о том, что царь всея Руси находится с визитом на Камчатке и через три дня будет проезжать через Мильково! Волнение, вызванное этим чрезвычайным сообщением, можно скорее представить, чем описать. Всепоглощающей темой разговоров стало: как Мильково сможет лучше всего показать свою верность и восхищение главой императорской семьи, правой рукой Святой Православной Церкви и могущественным монархом семидесяти миллионов своих подданных?!

«Догадливость» старосты на самом деле привела всех в отчаяние! Что могла сделать бедная камчатская деревня для

приёма своего августейшего хозяина?! Когда прошло первое волнение, старосту подробно расспросили о характере письма, принесшего это известие, и в конце концов он вынужден был признать, что в нём не было сказано дословно: «Александр Николаевич, Император», а было сказано: «Егор такой-то, оператор», что, по его утверждению, было, в сущности, одно и то же, потому что если оно не означало самого императора, то хотя бы одного из самых близких его родственников, к которому следовало относиться с таким же почтением.

Курьер уже уехал и ничего не сказал о чинах путешественников, о которых он возвестил, кроме того, что они прибыли в Петропавловск на корабле, были в великолепных синих с золотом мундирах и были приняты исправником и капитаном порта. Общественное мнение окончательно утвердилось во мнении, что «О-ператор», с этимологической точки зрения, приходится двоюродным братом «Им-ператору» и что это, должно быть, какой-нибудь высокопоставленный сановник, связанный с императорской семьей. С таким мнением бедняги и встретили нас и сделали всё возможное, чтобы оказать нам должное уважение и почтение. Это было суровое испытание для нас, но оно и самым недвусмысленным образом доказывало верность камчадалов Мильково царствующему дому России.

Майор объяснил старосте наши настоящие звания и род занятий, но это, казалось, никак не отразилось на сердечном

гостеприимстве мильковчан. Нас угощали самым лучшим, что только было в деревне, и разглядывали с любопытством, показывавшим, что до сих пор в Милькове было мало путешественников. Поев хлеба с оленьим мясом и попробовав разные диковинные блюда, приготовленные туземцами, мы торжественно вернулись на берег в сопровождении процессии, получили салют из пятнадцати ружей и продолжили наше путешествие вниз по реке.

Глава XI

Прибытие в Ключи – Ключевская сопка – Выбор маршрута – Русская «чёрная баня».

Долина реки Камчатки, несомненно, является самой плодородной частью всего полуострова. Почти все деревни, мимо которых мы проплывали, были окружены полями ржи и аккуратно огороженными садами, берега повсюду были либо покрыты лесом, либо травой высотой в пять футов, буйные заросли которой свидетельствовали о плодородности почвы и тёплом влажном климате. Примулы, первоцвет, болотные фиалки, лютики, дикие розы, лапчатка, ирис и лазоревый шпорник растут повсюду в долине в громадном изобилии, а своеобразный вид зонтичных с полыми стеблями достигает во многих местах высоты шести футов и растёт так густо, что его огромные зазубренные листья скрывают человека на расстоянии уже нескольких ярдов. И всё это вырастает в течение лета.

Между верховьями реки и Ключевским вулканом находятся двенадцать туземных поселений, и почти все они расположены в живописных местах, в окружении садов и полей. Нигде путешественник не увидит следов ледяного бесплодия и запустения, которые всегда ассоциировались с именем Камчатки.

Оставив в понедельник утром в Мильково наших гостеприимных туземных друзей и императорское достоинство, мы три дня медленно плыли по реке, далеко от заснеженных хребтов, окаймлявших долину, бродили по лесам в поисках медведей и диких вишен, ночевали на берегу реки и вообще вели дикую, свободную и восхитительную жизнь. Мы миновали туземные поселения Кирганик, Маршура, Шапино и Толбачик⁴⁰, и везде нас встречали с безграничным гостеприимством.

В среду, 13 сентября, мы разбили лагерь в лесу южнее Козыревска⁴¹, всего в ста двадцати верстах от деревни Ключи⁴². Дождь шёл почти весь этот день, и мы остановились на ночлег среди мокрых деревьев, с предчувствием, что непогода не даст нам полюбоваться великолепными пейзажами нижнего течения реки, через которое мы как раз собирались пройти.

Однако к полуночи всё прояснилось, и рано утром меня разбудило громкое приглашение Додда встать и посмотреть на горы. Воздух был неподвижен, и атмосфера была той особой прозрачности, которую иногда можно увидеть в Ка-

---

⁴⁰ Кирганик – существующее до сих пор село Мильковского района. Машура, Шапино и Толбачик – бывшие села этого же района. Все они возникли в XVIII веке.

⁴¹ Козыревск – существующий рабочий посёлок Усть-Камчатского района. Возник до 1740 года.

⁴² Ключи – посёлок Усть-Камчатского района. Основан около 1740 года переселенцами с реки Лена.

лифорнии. Лодки и траву покрыл густой иней, и несколько увядших листьев колыхались на ветках жёлтых берез, нависавших над нашей палаткой. В тишине рассвета не было слышно ни звука, и только следы диких северных оленей и волков на гладком песчаном берегу свидетельствовали о том, что вокруг нас есть жизнь. Солнце ещё не взошло, но небо на востоке пылало жёлтой полосой, доходящей до утренней Венеры, которая, хотя и несколько поблекла, но всё ещё оставалась сверкающим форпостом между соперничающими силами дня и ночи.

Далеко на северо-востоке, над жёлтым лесом, на фоне алого восхода, фиолетовым рельефом вырисовывались острые вершины гор, теснящихся вокруг центрального конуса великолепного вулкана Ключевского. Почти месяц тому назад я видел эти величественные горы с палубы маленького брига, качающегося в семидесяти пяти милях от берега; но тогда я не думал, что увижу их снова из уединённого лагеря на берегу реки Камчатки.

С полчаса мы с Доддом тихо сидели на берегу, рассеянно бросая камешки в спокойную воду, наблюдая, как восходящее солнце озаряет далекие горы, и обсуждая приключения, которые пережили с тех пор, как покинули Петропавловск. Как поменялось моё впечатление о сибирской жизни с тех пор, как я впервые увидел обрывистый берег Камчатки, возникший из голубых вод Тихого океана!

Тогда это была неизвестная, таинственная страна ледни-

ков и снежных гор, полная будущих приключений, но одинокая и неприступная в своей необитаемой дикости. Теперь она уже не была одинокой и заброшенной. Каждая горная вершина ассоциировалась с какой-нибудь гостеприимной деревней, приютившейся у её подножия, каждый ручёк был связан с великим миром человеческих интересов каким-нибудь приятным воспоминанием о кочевой жизни. Возможность приключений ещё оставалась, но воображаемое одиночество и заброшенность исчезли за одну неделю. Я подумал о тех расплывчатых представлениях, которые были у меня в Америке об этой прекрасной стране, и попытался сравнить их с более поздними впечатлениями, которыми они были вытеснены, но тщетно. Я не мог снова окружить себя былой интеллектуальной атмосферой цивилизации, не мог примирить прежние ожидания с этим странно иным опытом. Нелепые фантазии, казавшиеся такими ясными и правдивыми всего три месяца назад, теперь растворились в полузабытых образах, и не было ничего более реального, чем спокойная река, текущая у моих ног, берёза, роняющая жёлтые листья на мою голову, и далеких синих гор.

Из задумчивости меня вывел громкий звон котелка, который служил приглашением к завтраку. Через полчаса с завтраком было покончено, палатка убрана, лагерное снаряжение упаковано, и мы снова тронулись в путь. Весь день мы плыли к Ключам, всё дальше на север, и всё новые и новые живописные горы являлись нашим взорам. С наступлени-

ем темноты мы добрались до Козыревска и, сменив экипаж, продолжали путь всю ночь. На рассвете в пятницу мы миновали Кресты⁴³ и в два часа дня прибыли в Ключи, проделав весь путь от Петропавловска всего за одиннадцать дней.

Деревня Ключи расположена на открытой равнине на правом берегу реки Камчатки, у самого подножия величественного вулкана Ключевской, и ничем не отличается от других камчадалских поселений, кроме бесстрашия и живописной красоты своего расположения. Она находится точно в середине группы больших вершин, и часто затеняется от солнца густым чёрным дымом от двух вулканов.

Ключи были основаны в начале XVIII века несколькими русскими крестьянами из Центральной России, которых собрали и отправили с семенами и сельскохозяйственной утварью основать колонию на далёкой Камчатке. После долгого, полного опасностей и приключений путешествия в шесть тысяч миль по Азии через Тобольск, Иркутск, Якутск и Колыму, маленькая группа невольных переселенцев добралась, наконец, до полуострова и бесстрашно поселились в тени великого вулкана на реке Камчатке. Здесь они и их потомки прожили более ста лет, пока почти не забыли, как попали сюда и кем были посланы.

Несмотря на активность и частые извержения двух вулканов рядом с деревней, её местоположение никогда не ме-

---

⁴³ Кресты – бывшее село Мильковского района. Основано в первой половине XIX века, существовало до 1940-х годов.

нялось, и жители стали равнодушно относиться к предупреждающему рокоту, доносящемуся из глубин огнедышащих кратеров, и к дождям из пепла, который регулярно выпадает на их дома и поля.

Никогда не слышав ни о Геркулануме, ни о Помпеях, они не осознают никакой возможной опасности от пушистого облака дыма, плывущего в хорошую погоду с зубчатой вершины Ключевского, или от неясного гула, которым его меньший, но не менее опасный сосед заявляет о своём бодрствовании долгими зимними ночами. Возможно, пройдет ещё сто лет, и ничего так и не случится с маленькой деревней, но я, услышав на расстоянии шестидесяти миль гул Ключевского вулкана и увидев испускаемые им клубы чёрного дыма, почувствовал полное удовлетворение тем, что держался на почтительном расстоянии от его вулканического величества, и восхитился смелости камчадалов, избравших такое место для своего поселения.

Ключевской – один из самых высоких и непрерывно действующих вулканов во всей огромной вулканической цепи северной части Тихого океана. С XVII века лишь несколько лет обошлись без извержений большей или меньшей силы, и даже теперь, с нерегулярными промежутками в несколько месяцев, вулкан вспыхивает огнём и рассыпает пепел по всей ширине полуострова и по обоим морям. Зачастую зимой снег вокруг Ключей на двадцать пять верст вокруг так покрывается пеплом, что ехать на санях становится почти

невозможно. По рассказам туземцев, много лет назад произошло извержение страшной силы. Всё началось в безоблачную тёмную зимнюю ночь с громких раскатов грома и сотрясений земли, которые разбудили жителей Ключей и заставили их в ужасе выбежать на улицу.

Высоко в тёмном небе, в шестнадцати тысячах футов над их головами, из кратера вырывался ужасающий столб огня, увенчанный громадными клубами освещённого пламенем дыма. Среди адского грохота извержения и глухих подземных раскатов расплавленная лава огненными реками потекла вниз по заснеженному склону, сливаясь в одну пылающую массу огня, которая, подобно солнцу, осветила деревни Кресты, Козыревск и Ключи и всю местность в радиусе двадцати пяти миль. Говорят, это извержение покрыло полуостров слоем пепла толщиной в полтора дюйма на расстояние триста вёрст!

До сих пор лава ещё не опускалась ниже высоты снегов, но я не вижу причин, почему бы ей в будущем не достигнуть Ключей и не затопить своим огненным потоком русло Камчатки.

На вулкан, насколько мне известно, никто никогда не поднимался⁴⁴, и его заявленная высота, 16 500 футов⁴⁵, вероят-

---

⁴⁴ На самом деле первое восхождение на Ключевскую Сопку произошло ещё в 1788 году, когда морской офицер Даниил Гаусс с двумя товарищами поднялся на гору без каких-либо навыков альпинизма.

⁴⁵ 16599 футов = 5030 метров. В настоящее время высота вулкана 4750 метров.

но, является приблизительной оценкой какого-нибудь русского офицера. Это, конечно, самая высокая вершина полуострова Камчатка⁴⁶, и, скорее всего, она выше 16 000 футов. Мы испытывали сильное искушение взобраться по его гладким снежным склонам и заглянуть в дымящийся кратер, но было бы глупо делать это без двух-трёх недель тренировок, а у нас не было свободного времени.

Гора представляет собой почти идеальный конус, и из деревни Ключи она видна в таком обманчивом ракурсе, что последние три тысячи футов её кажутся абсолютно отвесными. Есть еще один вулкан, название которого, если оно и есть, я не смог выяснить⁴⁷, стоящий неподалеку к юго-востоку от Ключевского и соединенный с ним зубчатым хребтом. Он гораздо ниже последнего, но, кажется, черпает свои огненные запасы из того же источника и постоянно испускает большие облака чёрного дыма, который восточным ветром гонит в сторону Ключевского, так что иногда почти скрывает его из виду.

Нас принимали в Ключах в большом уютном доме деревенского старосты. Стены нашей комнаты были обиты пёстрым ситцем, потолок покрыт белым хлопчатобумажным тиком, грубая сосновая мебель до белизны вычищена песком с мылом. В углу в золочёной раме висела неказисто написанная картина, которую я принял за изображение Моисея, но

---

⁴⁶ Кроме того, это высочайший активный вулкан в мире.

⁴⁷ Очевидно, это действующий вулкан Безымянный.

благоразумный пророк, по-видимому, закрыл глаза от дыма бесчисленных свечей, зажженных в его честь, и выражение его лица было несколько мрачное. На столах были расстелены скатерти американского производства, на занавешенных окнах стояли горшки с цветами, на противоположной от двери стене висело небольшое зеркало, а все предметы обстановки и нехитрые украшения были расставлены по комнате со вкусом, которым мужской ум может любоваться, но никогда не сможет повторить.

Американское искусство также придавало изящество этому домику в глуши, так как задняя сторона одной из дверей была украшена живописными карандашными рисунками из вирджинской жизни и пейзажами. Я подумал о хорошо известных строках Поупа:

Предметы эти не богаты и не редки,
Но интересно, как они туда попали?⁴⁸

В таких удобных, если не сказать роскошных, апартаментах нам довелось приятно провести остаток дня.

В Ключах нам предстояло решить, какой путь выбрать для нашего дальнейшего путешествия на север. Самым коротким и во многих отношениях лучшим был тот, которым обычно шли русские купцы, – через перевал в верховьях ре-

---

⁴⁸ В стихотворении Александра Поупа (1688–1744) речь идёт об ископаемых живых организмах, застывших в янтаре.

ки Еловка⁴⁹ в центральном горном хребте в Тигиль⁵⁰, а затем по западному побережью полуострова до северной части Охотского моря. Единственным возражением против этого плана было позднее время года и вероятность глубокого снега на перевалах.

Имелась альтернатива продолжить путь от Ключей вверх по восточному побережью до селения Дранка⁵¹, где горы переходили в незначительные холмы, и там до камчадалской деревни Лесная⁵² на Охотском море. Этот путь был значительно длиннее, чем тот, что проходил через Еловский перевал, но его осуществимость была более очевидной.

После долгих расспросов туземцев, которые, как предполагалось, кое-что знали об этой местности, но старательно избегали ответственности и рассказывали как можно меньше, майор решил попробовать пройти через перевал Еловка и приказал в субботу утром приготовить лодки, чтобы перевезти нас вверх по этой реке.

В худшем случае, если нам не удастся перебраться через горы, у нас всё равно будет достаточно времени, чтобы вернуться в Ключи и попробовать другой путь до наступления зимы.

---

⁴⁹ Река Еловка (Магёрая), левый приток реки Камчатка, впадает в неё в районе села Ключи.

⁵⁰ Село Тигиль на одноименной реке, впадающей в Охотское море.

⁵¹ Дранка – бывшее село Карагинского района. Возникло до 1838 года.

⁵² Лесная – село Тигильского района. Возникло в XVIII веке на месте корякского острожка. Названо по расположению на берегу реки Лесной.

Как только мы решили этот важный вопрос, то предались безудержному наслаждению теми немногими удовольствиями, которые доставляла нам маленькая и степенная деревушка. Тут не были приняты никакие променады, где мы могли бы, как говорят русские, «людей посмотреть и себя показать», да и вряд ли было бы хорошей мыслью демонстрировать наши оборванные и запятнанные одежды на такой прогулке. Мы должны были попробовать что-то другое.

Единственными местами развлечений, о которых мы знали, были деревенская баня и церковь, и ближе к вечеру мы с майором намерились «освоить» эти достопримечательности в лучших традициях современного туризма. По понятным причинам сначала мы пошли в баню. Париться в бане было очень лёгким развлечением, и если правда, что «чистоплотность сродни праведности», то баня, конечно, должна предшествовать церкви.

Я часто слышал, как Додд говорил о «чёрных ваннах» камчадалов и, не зная толком, что он имел в виду, представлял себе, что эти «чёрные ванны» принимались в какой-то чернильной жидкости местного производства, обладавшей особыми очищающими свойствами. Я не мог придумать другой причины, кроме этой, чтобы называть ванну «чёрной». Однако, войдя в «чёрную баню» в Ключах, я понял свою ошибку и тотчас признал уместность этого прилагательного.

Оставив одежду в маленькой прихожей, которая по предназначению была гардеробной, но не предоставляла никаких

удобств оной, мы нагнулись в низкой, обитой меховой шкурой двери и вошли в ванную комнату, которая была плохо освещённой и такой чёрной, что могла служить достаточным основанием для существования самого мрачного и тёмного прилагательного в языке.

В свете сальной свечи, горевшей на полу, можно было различить очертания низкого пустого помещения площадью около ста квадратных футов, сложенного из неотёсанных брёвен, без единого отверстия для воздуха или света. Каждый квадратный дюйм стен и потолка был абсолютно чёрным от дыма, которым была заполнена комната в процессе обогрева. В одном конце помещения возвышалась большая груда камней с углублением для костра, а в другом – несколько широких деревянных ступеней, которые, казалось, никуда не вели. Как только огонь погас, дымоход был плотно закрыт, и груда горячих камней теперь излучала яростный сухой жар, который делал дыхание болезненной необходимостью, а испарину – малоприятной неизбежностью.

Дух, руководивший этим адским местом пыток, вскоре явился в лице длинноволосого голого камчадала и стал поливать раскалённые камни водой, отчего они зашипели, как паровоз, а пламя свечи стало синим в туманном ореоле. Я думал, что это раньше было жарко, но это была просто сибирская зима по сравнению с температурой, которую вызвали эти манипуляции. Мне показалось, мои кости сейчас лопнут от жара.

Подняв температуру в бане градусов до ста, туземец схватил меня за руку, уложил на нижнюю ступеньку лестницы, добросовестно облил меня всего мыльным кипятком и принялся разминать так, как будто намеревался окончательно разделить меня на мои исходные составляющие. Я не буду даже пытаться описать количество, разнообразие, и дьявольскую изобретательность пыток, которым я подвергся в течение следующих двадцати минут.

Меня катали, колотили, остужали холодной водой и обжигали горячей, били связкой березовых веток, скребли шершавыми, как кирпич, пучками пеньки, и, наконец, положили отдышаться на самой высокой и горячей ступеньке лестницы. Облившись холодной водой, я положил конец этим мучениям и страданиям и, оцупью пробравшись в прихожую, стал одеваться, стуча зубами. Вскоре ко мне присоединился майор, и мы вышли из бани, чувствуя себя бесплотными духами.

Из-за позднего часа мы были вынуждены отложить посещение церкви на неопределенное время, но мы и так позабавились достаточно для одного дня и потому вернулись домой, довольные, если не восхищенные, камчатскими чёрными банями.

Весь вечер мы расспрашивали жителей деревни о северной части полуострова, о том, что нужно, чтобы путешествовать там, где кочуют коряки, и ещё до девяти часов легли спать, чтобы на следующее утро выехать пораньше.

Глава XII

Путешествие по реке Еловке – Разговор вулканов – «О, Сусанна!» – «Американский» язык – Трудный подъём.

В способах передвижения, которые мы должны были применять во время нашего путешествия по Камчатке, было большое разнообразие, и этим, быть может, в значительной степени объяснялось то чувство новизны и свежести, которое за три месяца нашего путешествия по полуострову никогда полностью не исчезало. Мы, в свою очередь, испытали как удовольствие, так и усталость от китобойных лодок, лошадей, плотов, каноэ, собачьих и оленьих упряжек и снегоступов; и как только мы начинали уставать от удовольствий и выяснять неудобства одного, мы знакомились с другим.

В Ключах мы оставили плоты и пересели в долблённые камчадалские челны, которые легче было вести против быстрого течения реки Еловки, по которой нам предстояло теперь подниматься. Наиболее заметной особенностью этого вида судов, и весьма примечательной, является решительная и хроническая склонность переворачиваться кверху дном без малейшего видимого повода. Один надёжный источник сообщил мне, что незадолго до нашего прибытия на Камчатке опрокинулась лодка из-за неосторожности камчадала, положившего складной нож в правый карман, не положив со-

ответствующего веса в левый, и что камчадалский способ пробора волос посередине возник из необходимости сохранять равновесие во время плавания на этих челнах. Я был бы склонен усомниться в этих замечательных и не совсем свежих историях, если бы не надежность и безупречная честность моего осведомителя, мистера Додда. Серьезность темы – достаточная гарантия того, что он не станет шутить над моими чувствами, превращая их в повод для розыгрыша.

В субботу утром мы позволили себе поспать гораздо дольше, чем было положено, и спустились к берегу только к восьми часам.

При первом взгляде на хрупкие челноки, которым должны были быть вверены наши судьбы и интересы Русско-Американской телеграфной компании, все выразили удивление и неудовольствие. Один из наших спутников с быстротой умозрительного заключения, которой он всегда отличался, тотчас же пришел к заключению, что смерть в воде будет неизбежным окончанием путешествия на таких судах, и выказал явное нежелание пуститься в плавание. Рассказывают об одном великом воине, чьи «Записки» вызывали у меня отвращение в юности, что во время очень бурного плавания по Ионическому морю он подбадривал своих матросов невероятно эгоистической уверенностью в том, что они везут «Цезаря и его судьбу» и, следовательно, с ними не может случиться никакой катастрофы. Камчатский Цезарь, однако, на этот раз, казалось, не доверял своей судьбе, и по-

пытки утешения исходили с противоположной стороны. Лодочник, правда, не сказал ему: «Не унывай, Цезарь, камчадал и его судьба защитят тебя», но заверил, что плавал по реке несколько лет и «ни разу не утонул». Чего ещё мог пожелать Цезарь? После некоторого колебания мы все уселись в лодки на медвежьих шкуры и отчалили.

Всё в рельефе местности вокруг Ключей подчиняется центральной фигуре Ключевского вулкана, этому монарху сибирских гор, острая вершина которого с неизменным столбом золотого дыма видна в радиусе ста миль. Все остальные красоты окрестного пейзажа являются лишь данниками этой горы и ценятся только по способности оттенить и украсить эту величественную вершину, колоссальная громада которой одним сплошным снежным конусом поднимается из травянистых долин Камчатки и Еловки, начинающихся у её подножия. «Наследник заката и Вестник утра» – его высокий кратер заливается розовым румянцем задолго до того, как утренние сумерки покидают долины, и ещё долго после того, как солнце сядет за синие горы Тигиля. Во все времена, при всех обстоятельствах и во всех своих постоянно меняющихся настроениях это самая прекрасная гора, которую я когда-либо видел. Теперь она высится, купаясь в солнечном свете бабьего лета, с пушистыми облаками, лежащими на её снегах и бросающими на её бока синие тени; потом она окутывает себя плотными клубами черного вулканического дыма и хрипло предупреждает деревни у своих ног, и, наконец,

ближе к вечеру собирает вокруг своей вершины мантию из серых туч и катит их волнующимися массами вниз по своим склонам, пока в прозрачной атмосфере не остаётся только колоссальный конус высотой в шестнадцать тысяч футов, покоящийся на пятидесяти квадратных милях густого соснового леса.

Если вы думаете, что нет ничего прекраснее, чем изысканный нежный цвет лепестков дикой розы, которым окрашивается снег, когда солнце опускается в красные тучи заката, то «посетите её при бледном лунном свете»⁵³, когда её облачный убор окаймлен серебром, когда черные тени собираются в её глубоких ущельях и белые туманные огни мерцают на снежных башнях, когда хоровод созвездий окружает её высокий пик, а серебряная цепь Плеяд наброшена на один из её скалистых шпилей – тогда скажите, если сможете, что днем она красивее!

Мы вошли в устье Еловки около полудня. Эта река впадает в Камчатку с севера, в двенадцати верстах выше Ключей. Берега её в основном низки и болотисты и густо заросли тростником и камышом, которые служат укрытием для тысяч уток, гусей и диких лебедей. Еще до наступления ночи мы добрались до туземной деревни Харчино⁵⁴ и тотчас же

---

⁵³ Строка из поэмы Вальтера Скотта «Аббатство Мелроуз»: «Если хочешь видеть Мелроуз во всей красе / Приходи к нему при бледном лунном свете».

⁵⁴ Харчино – бывшее село Мильковского района. Основано в XVIII веке, прекратило существование в 1950-х годах.

послали за знаменитым русским проводником по имени Николай Брагин, которого надеялись уговорить провести нас через горы.

От Брагина мы узнали, что на прошлой неделе в горах был сильный снегопад, но он полагал, что тёплая погода последних трёх-четырёх дней, вероятно, растопила снег, и тропа будет, по крайней мере, проходимой. Во всяком случае, он решил попытаться переправить нас через перевал. Решив эту главную проблему с проводником, мы выехали из Харчино рано утром 17-го и продолжили подъём по реке. Из-за быстроты течения на фарватере мы свернули в одну из проток, на которые здесь делилась река, и медленно плыли на шестах в течение четырёх часов. Протока была очень извилиста и узка, так что можно было коснуться веслом берега с обеих сторон, а во многих местах берёзы и ивы смыкались над водой, роняя жёлтые листья на наши головы. Местами в воду свисали длинные тонкие стволы деревьев, а из глубины торчали зелёные ото мха брёвна, и не раз нам казалось, что мы вот-вот остановимся посреди непроходимого болота. Николай Александрович, наш проводник, чья лодка плыла впереди нашей, пел для нашего развлечения печальные монотонные камчадалские песни, а мы с Доддом, в свою очередь, оглашали лес бодрящими звуками «Грядущего Царства»⁵⁵ и

---

⁵⁵ «Kingdom Coming» – песня американских негров-рабов времён Гражданской войны в США.

«Юпайди»⁵⁶. Устав от музыки, мы по-дружески распределили наши ноги в узком челне и, откинувшись на медвежьи шкуры, крепко заснули, не обращая внимания на плеск воды и скрежет шестов у самых ушей. В ту ночь мы разбили лагерь на высоком песчаном берегу в десяти-двенадцати милях к югу от деревни Еловки.

Был тёплый тихий вечер, и, когда мы все сидели на медвежьих шкурах вокруг костра, курили и разговаривали о дневных приключениях, наше внимание внезапно привлёк низкий рокот, похожий на отдалённый гром, сопровождаемый отдельными взрывами. «Что это?» – быстро спросил майор. «Это, – степенно сказал Николай, выпустив струйку дыма, – это вулкан Ключевской говорит с пиком Шивелуч». – «Полагаю, в разговоре нет ничего личного, – иронично заметил Додд, – а то что-то громко он разворчался». Звуки продолжались несколько минут, но вершина Шивелуча не отвечала. Эта несчастная гора безрассудно растратила вулканическую энергию в ранней своей юности и теперь осталась без голоса, чтобы отвечать на громоподобный рёв своего могучего товарища⁵⁷. Было время, когда вулканов на Камчатке

---

⁵⁶ «Upidee» – шуточная песенка про горниста времён Гражданской войны в США.

⁵⁷ Не совсем понятно почему автор говорит о Шивелуче, как о потухшем вулкане – предыдущее извержение его произошло всего лишь 11 лет ранее, в 1854 году. Наверное, этот вулкан не проявлял в то время видимой активности и считался потухшим, т. к. следующее его извержение началось только ещё через 14 лет, в 1879 году.

было столько же, сколько рыцарей за столом короля Артура, и полуостров содрогался от их гомона и полуночного веселья, но один за другим они задыхались в огненных потоках собственного красноречия, пока, наконец, Ключевской не остался один, тщётно взывая к своим старым товарищам в безмолвные часы долгих зимних ночей, но не слыша никакого ответа, кроме далекого эха своего могучего голоса.

На следующее утро меня разбудило радостное пение: «О, Сюзанна, не плачь обо мне!» и, выползая из палатки, я застал одного из наших туземцев в тот момент, когда он барабанил по сковороде и радостно вопил:

Litenin' struck de telegraf,
Killed two thousand niggers;
Shut my eyes to hole my breff,
Su-san-na-a-a, don't ye cry!⁵⁸

Забавный туземец в шкурах, в самом сердце Камчатки, отбивает такт на сковороде и поёт «О, Сюзанна!» как арктический негр-менестрель! Это было слишком, чтобы остаться серьёзным, и я разразился смехом, который вскоре разбудил Додда. Музыкант, полагавший, что он упражняет свои голосовые связки потихоньку, вдруг остановился и стал смущённо оглядываться, как бы сознавая, что каким-то образом делает себя смешным, но не зная как.

---

⁵⁸ Очень вольное переложение известной песни американского поэта-песенника Стивена Фостера (1826–1864).

– Андрей, – сказал Додд, – я и не знал, что ты умеешь петь по-английски.

– Не могу, барин, – был ответ, – но по-американски немного пою.

Мы с Доддом снова расхохотались, что вконец озадачило бедного Андрея.

– Где ты этому научился? – спросил Додд.

– Матросы китобойного судна научили меня этому, когда я был в Петропавловске, два года тому назад – сказал он, кажется опасаясь, что в этом может быть что-то неприличное.

– Это замечательная песня, – успокоил его Додд, – ты знаешь еще какие-нибудь американские слова?

– Да, ваша честь! – и продолжил гордо – я знаю «dam yerize», «by'm bye tomorry», «no savey John» и «goaty hell», но я не знаю, что все они означают.

Было очевидно, что нет! Его знание «американского» было ограниченным и сомнительным, но даже сам кардинал Меццофанти⁵⁹ не мог бы гордиться своими сорока языками больше, чем бедный Андрей своими «dam yerize» и «goaty hell». Если он когда-нибудь доберется до благословенной Америки, которую он видит в своих счастливых снах, эти сомнительные фразы станут его пропуском в наше общество, хотя и в самую сомнительную его часть.

---

⁵⁹ Джузеппе Меццофанти (1774–1849) – итальянский кардинал, один из самых выдающихся полиглотов в истории человечества. Считается, что он, никогда не покидавший Италию, владел 38 языками и 50 диалектами.

Пока мы разговаривали с Андреем, Вьюшин развёл костер и приготовил завтрак, и как раз в тот момент, когда солнце заглянуло в долину, мы сидели на медвежьих шкурах вокруг нашего стола-ящика, ели «селянку», или кислый суп, которым Вьюшин особенно гордился, и пили стакан за стаканом горячий чай. Селянка, сухари и чай, иногда утка, зажаренная над огнём на вертеле, составляли наше меню во время стоянок. Только в селениях мы наслаждались такой роскошью, как молоко, масло, свежий хлеб, варенье из лепестков шиповника и рыбные пироги.

После завтрака мы снова заняли свои места в лодках и поплыли вверх по реке, время от времени стреляя уток и лебедей и срывая длинные ветки дикой вишни, низко свисавшие над водой. Около полудня мы оставили челны, чтобы они обогнули длинный изгиб реки без нас, а сами отправились пешком с туземным проводником в Еловку. Трава была намного выше пояса, и идти по ней было очень утомительно, но нам удалось добраться до деревни к часу дня, задолго до того, как показались наши лодки.

Еловка⁶⁰, небольшое камчадалское селение, состоящее из полудюжины домов, расположено у подножия большого центрального Камчатского хребта, прямо перед перевалом, носящим его название, на прямом пути к Тагилю и западному побережью. Это – конечная точка плавания по реке Елов-

---

⁶⁰ Еловка – бывшее село Усть-Камчатского района. Прекратило существование в 1940-х годах.

ке и отправная точка для партий, намеревающихся пересечь горы. Предвидя трудности с поиском лошадей в этой маленькой деревне, майор ещё из Ключей послал восемь или десять по суше, и мы нашли их здесь, ожидающими нашего прибытия.

Почти весь день мы навьючивали лошадей и готовились к отъезду, а на ночь расположились у холодного горного источника в нескольких верстах от деревни. До сих пор погода стояла ясная и тёплая, но ночью небо затянуло тучами, и мы начали подъём в горы во вторник 19-го утром, под холодным проливным дождём с северо-западным ветром. Дорога, если можно в каком-то метафорическом смысле назвать дорогой жалкую тропинку шириной в десять дюймов, была просто отвратительна. Она шла вдоль горного потока, вздувшегося от тающих снегов в горах и ревущими каскадами низвергающегося в узкое, тёмное ущелье. Тропинка шла по берегу этого ручья сперва с одной стороны, потом с другой, потом и вообще по воде, по огромным массивам вулканических пород, по крутым лавовым склонам, где вода, как в мельничном потоке неслась через густые заросли кедрового стланика, сквозь хаос поваленных стволов и по узким скальным уступам, где, казалось, и горный козёл едва мог пройти. Я гарантирую, что с двадцатью людьми удержал бы в этом ущелье наступление всех армий Европы! Наши выючные лошади кубарем скатывались с крутых берегов в поток, теряли поклажу, натыкаясь на стволы деревьев, спотыкались, ранили ноги, падая на

острые вулканические обломки, прыгали через пропасти ре-
вущей воды и совершали такие подвиги, которые были бы
совершенно непосильны для любой другой лошади, кроме
камчатской. В конце концов, когда я попытался перепрыг-
нуть через поток шириной футов восемь-десять, меня выби-
ло из седла, при этом левая нога намертво застряла в стреме-
ни. Лошадь вскарабкалась на другую сторону потока и испу-
ганным галопом понеслась по ущелью, волоча меня за собой.
Помню, я делал отчаянные усилия, чтобы защитить голову,
приподнявшись на локтях, но лошадь вдруг лягнула меня в
бок – и я больше ничего не помнил, пока не обнаружил, что
лежу на земле, с ногой в оторванном стремяни, а лошадь га-
лопом несётся вверх по ущелью. Эта оторванная ляжка спас-
ла мой череп – он бы разбился об камни, как яичная скорлу-
па! Я был весь в синяках, очень слаб, голова кружилась, но
кости, казалось, не были сломаны, и я встал без посторонней
помощи. До сих пор майор держал свой вспыльчивый нрав
под контролем, но тут не сдержался, и бранил бедного Ни-
колая самыми яростными ругательствами за то, что он повел
нас через горы таким ужасным путем, и грозил ему самым
жестоким наказанием, когда мы доберемся до Тигиля. Бес-
полезно Николаю было оправдываться, что другого прохода
нет – он должен был найти другой, а не подвергать опасно-
сти жизни людей, ведя их в такое Богом забытое ущелье, как
это, забитое оползнями, поваленными деревьями, водой, ла-
вой и массаами вулканических пород! Если что-нибудь слу-

чится с кем-нибудь из нашей группы в этом проклятом ущелье, майор поклялся застрелить Николая на месте! Бледный и дрожащий от страха, несчастный проводник поймал мою лошадь, починил стремена и сам пошёл впереди, чтобы показать, что он не боится идти туда, куда он нас ведёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.